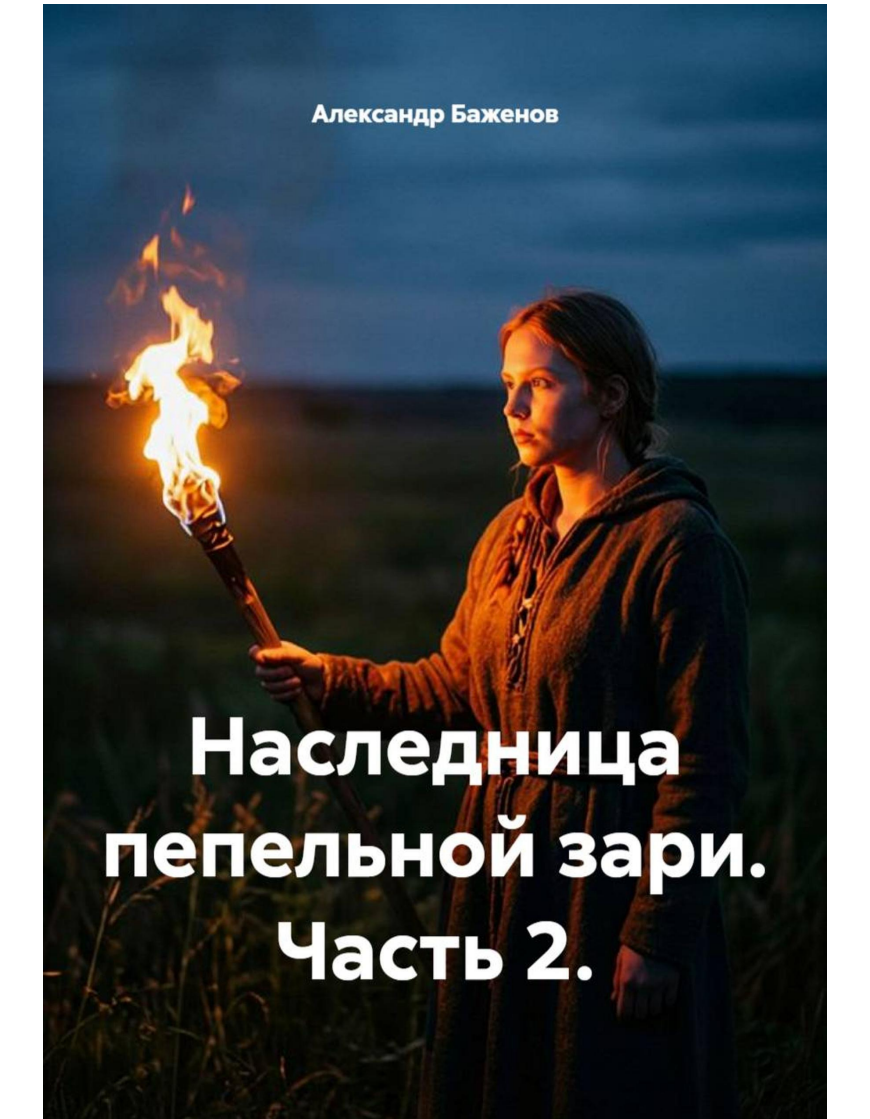

A woman with light-colored hair, wearing a dark, textured hooded cloak, stands in a field of tall grass at dusk. She holds a flaming torch in her right hand, which illuminates her face and the surrounding area. The background is a dark, cloudy sky.

Александр Баженов

**Наследница
пепельной зари.
Часть 2.**

Александр Баженов

Наследница пепельной зари. Часть 2.

<https://litres.ru/74571563>

SelfPub; 2026

Аннотация

Во второй части «Дети пепла и воды» Мира слышит зов из-за горизонта и уходит в степь. Она спасает выживших из сожжённого стойбища. Вернувшись в Костный Брод, узнаёт о пророке, называющем мосты злом, и о своей беременности. Они с Вельмиром решают назвать дочь Заря. Приходит Радомир, брат Вельмира, неся тьму, но Мира принимает его без боя. Мира объявляет, что Заря станет новым мостом. На севере собирается враг. Первая битва с Пепельным лордом: Мира защищает людей светом, Вельмир отказывается убивать. После битвы — потери и исцеление. Мира чувствует зов Сердца хвори, переходит реку Памяти, входит в пещеру одна и проходит испытание, приняв свою силу. Затем они уходят в новые земли, встречают незнакомцев и другую сторону, примиряются через дыхание. Мира передаёт семь уроков: дыхание, память, любовь, прощение, выбор, семья, вечность. Заря затихает, и Мира переживает потерю, но жизнь продолжается. Мост становится вечным, круг времён замыкается, и мальчик с востока наконец встречает Миру.

Содержание

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: «ДЕТИ ПЕПЛА И ВОДЫ»	4
ГЛАВА 1: «НОВЫЕ ЗЕМЛИ»	4
Глава 2: «Дорога домой»	33
Глава 3: «Тени прошлого» Возвращение врага	70
Глава 4: «Война и мир»	113
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Наследница пепельной зари. Часть 2.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: «ДЕТИ ПЕПЛА И ВОДЫ»

ГЛАВА 1: «НОВЫЕ ЗЕМЛИ»

За горизонтом

«Горизонт — не стена, а дверь. И кто-то уже стучится с той стороны.»

Ночь пахла горькой полынью и стоячей водой болот. Мира лежала на тюфяке из сухого мха и слушала, как за стенами дышит топь. Тяжело. Ровно. Как живое существо, которое спит и видит сны. Вельмир спал рядом, и его рука тяжело лежала на её животе. Тёплая. Живая. Родная. Внутри неё что-то дрогнуло, но это была не Заря. Что-то другое. Чужое. Оно пришло извне, тихо и без спроса, и поселилось где-то под сердцем. Мира закрыла глаза и потянулась к нему. Оно было как зов — далёкий, настойчивый, как будто кто-то звал её по имени из-за края мира.

Она открыла глаза и села. Оберег на груди пульсировал

ровно, но слишком ровно. Как будто ждал. Как будто знал больше неё. Вельмир спал глубоко, впервые за много дней без ножа под подушкой. Мира не стала будить его и вышла на мостки. Туман принял её в объятия — холодный, влажный, но не враждебный. Болото дышало вокруг, и в этом дыхании была жизнь. Она прислушалась. Сначала ничего. Только кваканье лягушек да редкий всплеск рыбы. Потом — голос. Не тот. Не женский. Не древний. Другой. Мужской. Молодой. Усталый.

«Ты слышишь меня?» — спросил он тихо и надломленно, как будто говоривший давно молчал. Мира замерла, и сердце ударило чаще. «Слышу», — ответила она мысленно. Пауза была долгой, как вдох перед прыжком в холодную воду. «Я иду к тебе. Давно. Очень. Я не знаю, кто я. Но ты знаешь». Мира посмотрела на воду, в которой отражались незнакомые звёзды. Она искала в них ответ, но нашла только своё отражение. Усталое. Но живое.

«Кто ты?» — спросила она. Голос молчал, но Мира чувствовала его присутствие. Слабый огонёк на границе сознания. Далеко. Но ближе, чем вчера. «Я потерялся, — наконец сказал он. — Между мирами. Между жизнями. Я — эхо. Я — отголосок. Я — тот, кого не должно быть». Мира сжала оберег, и камень был тёплым, почти горячим. «Ты ребёнок?» — спросила она. Долгая пауза. «Не знаю. Может быть. Может, я — память. Может, я — будущее. Может, я — то, что вы потеряли».

Вельмир вышел на мостки — босой, растрёпанный, сонный. Он ничего не сказал, просто встал рядом, плечо к плечу. Мира почувствовала его тепло и немного успокоилась. «Ты чувствуешь?» — спросила она. «Да. Кто-то идёт. Издалека. Очень». Мира кивнула и сказала, что он говорит с ней. Мальчик. Или эхо. Или память. Вельмир молчал, смотрел на воду, а потом заговорил. «Я слышал о таких. Забытые. Те, кто не смог уйти. Те, кто не смог остаться. Они ищут мост». Мира повернулась к нему. «Мост — это я?» Вельмир кивнул. «Ты — дверь. Ты — путь. Ты — дом».

Мира посмотрела на горизонт, где небо светлело. Не багровое. Не серое. Голубое. Чистое. Живое. «Тогда пойдём навстречу. Кто бы он ни был». Вельмир взял её за руку, и его пальцы были горячими и шершавыми. «Пойдём. Вместе». Они вернулись в дом, и Мира собрала сумку. Немного: лепёшки, травы, семена. Вельмир взял меч — не для боя, для защиты. Они вышли на рассвете, когда деревня ещё спала. Только дерево светилось в центре — ровно и живо, как сердце, как мост, как обещание.

Яромир догнал их у границы. «Куда вы?» — спросил он хрипло и встревоженно. «Кто-то идёт из-за горизонта. Нужно встретить». Яромир посмотрел на неё, потом на Вельмира, потом на горизонт. «Я с вами. Не спорьте». Мира улыбнулась. «Не спорим. Идём». Они шли молча, и болото провожало их тихо и ласково, как мать, как дом, как память. К полудню они вышли к границе зелёной земли, где начина-

лась серая, бескрайняя, но не мёртвая степь.

Мира остановилась и посмотрела вперёд. Голос в её голове молчал, но она чувствовала его — слабое тепло на границе сознания. Ближе, чем утром. «Он там. За горизонтом. Ждёт». Вельмир сжал её руку. «Тогда идём. Не будем заставлять его ждать». Мира шагнула в степь, и степь приняла её не как врага, а как гостя, как мост. Ветер коснулся лица — тёплый, живой, пахнувший полынью и далёким дымом. Мира улыбнулась впервые за много дней. Широко. Свободно. Она не знала, кто идёт к ней, и не знала, что ждёт впереди. Но она знала одно — она не одна. И этого было достаточно.

А в это же время, за много вёрст к востоку, по выжженной степи брёл мальчик. Худой. Серый. Босой. Он не помнил своего имени и не помнил, откуда пришёл. Только одно знал он точно: где-то там, за краем мира, его ждут. Он поднял голову, посмотрел на небо и улыбнулся. Потом сделал шаг, ещё один и ещё, туда, где вставало солнце, туда, где шла она.

Мира слышит чужой зов из-за горизонта — голос мальчика, потерявшего память. Вместе с Вельмиром и Яромиром она покидает Костный Брод и уходит в степь навстречу неизвестному. Где-то далеко, на выжженной земле, мальчик идёт к ней, зная только одно: его ждут.

Кровь и пепел

«Пепел — это память. Кровь — это жизнь. Мост соединяет и то, и другое.»

Степь началась не с травы, а с запаха гари. Мира остано-

вилась так резко, что Вельмир едва не наткнулся на неё. Она подняла руку, и он замер, вглядываясь в серую даль. Яромир замер тоже, положив ладонь на рукоять меча. Ветер нёс с востока горький запах железа и жжёной полыни. Так пахнет только одно — смерть, прошедшая по земле. Мира не стала ждать и просто пошла быстрее.

Они шли молча, и ковыль хлестал по ногам сухими метёлками. Мира чувствовала, как нити рвутся где-то впереди, одна за другой. Это было похоже на то, как гаснут свечи в тёмной горнице. Вельмир не отставал, и его лицо становилось всё темнее с каждым шагом. Яромир шёл позади и не задавал вопросов, потому что и так всё понимал. Степь сама вела их туда, где боль и смерть.

К вечеру они увидели три столба чёрного дыма над курганом. Мира поднялась на вершину и посмотрела вниз, и сердце её сжалось. Там было стойбище, которое ещё вчера жило своей простой жизнью. Теперь на месте войлочных шатров чернели обугленные жерди, а лошади лежали с перерезанными глотками. Мира закрыла глаза и поняла, что опоздала на один день. Может быть, на два.

Вельмир подошёл сзади и положил тяжёлую руку ей на плечо. «Ты не могла знать», — сказал он тихо, и в голосе его была горечь. Мира покачала головой, потому что знала, что могла бы. Яромир спустился вниз первым, осторожно ступая между телами, и принялся искать живых. Он нашёл их в яме, прикрытой телами и пеплом, — мужчину, женщину и

ребёнка. Они дышали едва-едва, но дышали.

Мира спустилась к ним медленно, словно боялась спугнуть последнюю жизнь. Мужчина смотрел на неё одним глазом, потому что второй заплыл от удара. «Кто вы?» — прохрипел он, и в голосе его была злая обречённость. Мира опустилась на колени рядом и сказала: «Я — мост, и я пришла помочь вам». Он усмехнулся криво и горько, потому что не верил никому. Но Мира смотрела на ребёнка, который ещё дышал, и знала, что не уйдёт.

Женщина заплакала беззвучно, и слёзы оставляли светлые полосы на её серых щеках. Мира взяла её за руку и сказала: «Дыши со мной, вдох вода, выдох огонь». Женщина закрыла глаза и задышала криво, страшно, но всё же задышала. Серая корка на её пальцах треснула, и под ней показалась розовая, тёплая, живая кожа.

Мужчина смотрел на это молча, а потом спросил, пепельная ли она. Мира покачала головой и ответила, что она и то, и другое, потому что она — мост. Он долго молчал, а потом протянул ей грязную, серую, дрожащую руку. «Я Ратмир, это моя жена и мой сын, и мы — последние». Мира сжала его пальцы и сказала, что теперь они не последние, а первые.

Вельмир спустился вниз и сел рядом, так что плечи их соприкоснулись. Ратмир посмотрел на него и нахмурился, потому что почувствовал пепельную кровь. Вельмир кивнул и сказал, что это не важно, потому что важнее то, что он тоже мост. Ратмир долго смотрел на него, а потом кивнул и по-

просил помочь его сыну, который умирал.

Мира посмотрела на мальчика, которому было не больше пяти лет. Он был серым и тонким, как высохший стебель, но глаза его были живыми. В них был страх, надежда и что-то ещё — древнее и знакомое. Мира нахмурилась, потому что видела этот взгляд раньше. В дереве, в пещере, в себе самой.

«Как его зовут?» — спросила она, и Ратмир ответил, что мальчика зовут Ратко, в честь отца. Мира положила руку на его грудь и сказала: «Ратко, дыши со мной». Мальчик задышал медленно и ровно, и серая корка начала трескаться и отпадать. Мира чувствовала нити, которые тянулись от неё к нему, тонкие и золотые, и тянула их мягко, как будто будила спящего. Мальчик открыл глаза и сказал, что видел её во сне.

Мира замерла и спросила, что именно он видел. Мальчик улыбнулся и ответил, что видел большое живое дерево, и её рядом, и всех рядом, и никто не умирал. Ратмир смотрел на сына, на его розовые щёки и живые глаза, и заплакал впервые за долгое время. «Спасибо, не знаю, кто ты, но спасибо», — сказал он, и Мира ответила, что не стоит благодарить, потому что она — мост для всех.

Вельмир встал и посмотрел на горизонт, где небо темнело и наливалось багровым. «Надо уходить, здесь не безопасно, пепельные вернутся», — сказал он, и Ратмир кивнул, потому что знал, что они всегда возвращаются. Они шли всю ночь медленно, ребёнок на руках Вельмира, женщина опиралась на Яромира, а мужчина — на палку. Мира шла впереди и

чувствовала нити, которые вели их туда, где безопасно.

К утру они вышли к широкой тёмной реке, и Мира осталась на берегу. В чёрной воде отражались незнакомые звёзды, и она сказала, что здесь они отдохнут и начнут. Ратмир сел на землю тяжело и медленно, посмотрел на реку, а потом на Миру и спросил, кто она на самом деле. Мира села рядом и ответила, что она реставратор из Питера и чинила старые книги. Он нахмурился и спросил, что она делает здесь, и Мира улыбнулась, потому что чинила теперь не книги, а людей, мир и себя.

Ратмир долго молчал, глядя на воду, а потом сказал, что она странная и таких он не встречал. Мира рассмеялась тихо и тепло, потому что знала, что она одна такая. Вельмир подошёл и сел с другой стороны, а потом сказал Ратмиру, что он может остаться с ними или уйти, как хочет. Ратмир посмотрел на сына, который спал на руках Яромира, розовый и живой, и решил остаться на время, пока не поймёт, как жить дальше.

Вельмир кивнул и сказал, что тогда Ратмир — первый мост этой земли. Ратмир посмотрел на него, потом на Миру, потом на реку и небо, и улыбнулся впервые за долгое время. «Мост, — повторил он, — звучит как что-то настоящее». Мира кивнула и сказала, что так и есть, потому что мост — это не место, а путь, это люди, это они. Она встала и посмотрела на горизонт, где вставало голубое и чистое солнце. «Идём, нас ждут», — сказала она, и они пошли.

А в это же время, за много вёрст к востоку, по выжженной степи брёл мальчик. Худой, серый, босой, он не помнил своего имени и не помнил, откуда пришёл. Только одно знал он точно: где-то там, за краем мира, его ждут. Он поднял голову, посмотрел на небо и улыбнулся. Потом сделал шаг, ещё один и ещё, туда, где вставало солнце, туда, где шла она.

В степи Мира и спутники находят сожжённое стойбище. Они спасают троих выживших — Ратмира, Ладугу и их сына Ратко. Мира исцеляет ребёнка, и Ратмир решает присоединиться к мосту. В финале мальчик, идущий с востока, продолжает свой путь.

Другая сторона

«Другая сторона — не враг. Это просто берег, который ещё не знает, что его уже соединили.»

Ночь у реки прошла тревожно, и Мира так и не сомкнула глаз. Она сидела у костра и слушала, как Ратко дышит во сне — ровно и живо. Мальчик спал у неё на коленях, маленький и серый, но уже не мёртвый. Вельмир сидел рядом и молчал, глядя на чёрную воду. Яромир охранял лагерь, а Ратмир не спал тоже и смотрел в огонь пустыми, но не мёртвыми глазами. В них что-то тлело, и это что-то ждало своего часа.

«Ты знаешь, кто это сделал?» — спросила Мира, и голос её был тихим. Ратмир не ответил сразу, потому что слишком долго молчал последние дни. Потом заговорил хрипло, как будто слова давались ему с болью. «Кочевники, степные, они не любят чужих, особенно тех, кто несёт перемены». Мира

посмотрела на него прямо и тепло, а потом спросила: «Перемены или мосты?» Он усмехнулся горько и ответил, что для них это одно и то же.

Мира встала осторожно, чтобы не разбудить Ратко, и подошла к воде. В чёрной глади она увидела своё отражение — усталое, но живое. Оберег на груди пульсировал ровно, и это спокойствие было странным, как будто камень чего-то ждал. «Они рядом?» — спросила она, и Вельмир подошёл, встав у неё за спиной. «Ближе, чем хотелось бы, я чувствую их, три дня пути, может, два». Мира кивнула и сказала, что тогда они пойдут навстречу.

Ратмир вскочил на ноги, несмотря на боль, и крикнул, что она сошла с ума. «Они убьют тебя!» — прошипел он, и в голосе его был настоящий страх. Мира обернулась и посмотрела на него спокойно и твёрдо, как смотрят на ребёнка, который боится темноты. «Может быть, но я не могу иначе, потому что я — мост, а мост не бежит, мост стоит». Ратмир замолчал, а потом опустился на землю и закрыл лицо руками. «Тогда я иду с тобой, чтобы защитить, если понадобится», — сказал он глухо.

Они шли два дня по серой, ждущей степи, и Мира шла впереди, потому что чувствовала нити. Вельмир шёл рядом, Яромир замыкал, а Ратмир нёс Ратко и молчал. Женщина, которую звали Лада, шла рядом и смотрела на горизонт живыми, но испуганными глазами. Мира чувствовала, как нити ведут её прямо к сердцу чужой боли и к чему-то ещё, что она

не могла назвать. На закате второго дня они увидели серый дым кочевого лагеря в низине.

Там были шатры из тёмного войлока, костры, лошади и много людей. Мира остановилась на холме и посмотрела вниз, а Вельмир подошёл и сказал, что их слишком много и они не справятся. Она покачала головой и ответила, что не собирается драться, а собирается говорить. Ратмир схватил её за руку и прошипел, что они не будут слушать и убьют её первой. Мира посмотрела на него и сказала тихо и спокойно: «Отпусти». Он отпустил медленно, неохотно, и она шагнула вниз.

Мира шла одна, без оружия и без защиты, и только оберег на груди был с ней. Её заметили сразу, и кочевники вышли из шатров, окружили её и смотрели молча. Впереди стоял мужчина, высокий и широкоплечий, с лицом, которое помнило кровь. Его руки помнили меч, и он смотрел на неё без страха и без эмоций. «Кто ты?» — спросил он низким и ровным голосом. Мира выпрямилась и ответила: «Я Мирослава, мост, и я пришла с миром».

Мужчина рассмеялся страшно и сказал, что здесь нет мира, а есть только они и те, кто не они. А те, кто не они, — умирают. Мира не отступила, а сделала шаг вперёд и остановилась в шаге от него. Она посмотрела ему в глаза прямо и тепло, без страха, и сказала, что знает про их дела и их страх. Он нахмурился и спросил, какой ещё страх, ведь они ничего не боятся. Мира покачала головой и ответила, что страх де-

лает людей жестокими, иначе они не убивали бы.

Тишина повисла густая и тяжёлая, и кочевники переглянулись между собой. Мужчина молчал долго, а потом заговорил тише и сказал, что они не могут остановиться и не умеют жить иначе. Мира протянула ему руку медленно и осторожно и сказала, что может научить их дышать, чувствовать и жить заново. Он смотрел на её руку, потом на неё, потом на своих людей и снова на неё. «Покажи, и если сможешь — останемся, а если нет — умрёшь», — сказал он наконец.

Мира кивнула и спросила, как его зовут. Он замер, потому что не ожидал такого простого вопроса. «Ярополк, вождь», — ответил он, и в голосе его что-то дрогнуло. Мира улыбнулась и сказала: «Тогда дыши, Ярополк, со мной, вдох вода, выдох огонь». Она взяла его за руку крепко и сильно, и дышала медленно и ровно. Он дышал криво и страшно, но всё же дышал, и серая корка на его пальцах треснула и отпала.

Под ней показалась розовая, тёплая, живая кожа, и он открыл глаза и посмотрел на свои руки. Потом он посмотрел на неё, и что-то в нём дрогнуло, треснуло и отпустило. «Что ты сделала?» — прошептал он, и Мира покачала головой. «Ничего, ты сделал сам, ты просто дышал», — ответила она тихо. Ярополк смотрел на неё долго и молча, а потом повернулся к своим и сказал: «Опустите оружие, она — мост, настоящий».

Кочевники опустили копья медленно и неохотно, но всё же опустили. Вельмир вышел из тени и встал рядом с Мирой,

и Ярополк посмотрел на него и нахмурился. «Пепельный?» — спросил он, и Вельмир кивнул и ответил, что это не важно, потому что важно то, что они — мост. Ярополк молчал, а потом кивнул медленно и тяжело и сказал, чтобы они оставались на время, пока он не поймёт, как жить дальше.

Мира улыбнулась и посмотрела на небо, которое было багровым, но уже не страшным. «Хорошо, тогда начнём», — сказала она и села на землю прямо у костра, скрестив ноги. Ярополк сел напротив, неуклюже и непривычно, но всё же сел. Мира посмотрела на него, на его людей, на Ратмира, на Ратко, на Вельмира и на всех остальных. «Дышите, все, вместе», — сказала она, и они начали дышать.

Они дышали медленно, ровно, криво и страшно, но дышали. Ветер стих, костёр трещал, и звёзды зажглись незнакомые, но красивые. Мира закрыла глаза и почувствовала нити, которые тянулись от неё ко всем, тонкие, золотые и живые. Она потянула мягко, и мир ответил. А далеко за степью, там, где небо касается выжженной земли, мальчик остановился и поднял голову. Он не помнил, откуда пришёл и как его зовут. Он знал только одно: где-то там, за краем мира, его ждут. Он улыбнулся и пошёл дальше, туда, где вставало солнце.

Мира идёт к кочевникам одна, без оружия. Вождь Ярополк встречает её враждебно, но она учит его дышать — и он опускает копье. Кочевники остаются, чтобы учиться жить заново. А далеко на востоке мальчик продолжает

свой путь к ней.

Урок смирения

«Мост не может спасти всех. Но он может научить тех, кто рядом, стоять.»

Мира проснулась от того, что внутри стало пусто. Она лежала на тюфяке из сухого мха и прислушивалась к этой пустоте. Оберег на груди пульсировал ровно, но глубже и медленнее, чем обычно. Вельмир спал рядом, и его рука тяжело лежала на её животе. Мира не стала будить его и вышла на воздух, где степь дышала ровно и спокойно. Но что-то было не так, и она чувствовала это каждой косточкой.

Ярополк сидел у костра один и смотрел на восток. Глаза его были живыми, но задумчивыми, как у человека, который пытается вспомнить забытый сон. Мира подошла и села рядом, так что плечи их соприкоснулись. «Ты чувствуешь?» — спросила она, и он кивнул медленно. «Что-то ушло или пришло, не пойму», — ответил он хрипло. Мира закрыла глаза и потянулась к нитям, и одна из них вела не вперёд, а назад.

«Ратмир ушёл», — сказала она тихо, и Ярополк нахмурился. Мира покачала головой и ответила, что не знает куда, но он вернётся. Вельмир вышел из шатра и молча сел рядом, глядя на горизонт. «Он боится не нас, а себя, того, что стал мостом», — сказал Вельмир, и Мира кивнула, потому что видела это раньше. В других, в себе.

К полудню Ратмир вернулся, и не один. С ним было пятеро — серых, худых, испуганных, и они держались позади,

настороженно озираясь. Ратмир подошёл к Мире и опустил-ся на колени, низко склонив голову. «Прости, я ушёл, испугался, но потом понял», — сказал он глухо. Мира коснулась его плеча легко и тепло и спросила, что именно он понял. Ратмир поднял голову, и глаза его были живыми и ясными. «Что мост — это не только ты, это все мы, и я тоже».

Мира улыбнулась и посмотрела на людей за его спиной, на их серые лица и живые глаза. «Кто они?» — спросила она, и Ратмир ответил, что они из деревни за рекой, мёртвой давно. Они шли очень долго, потому что слышали о ней, о мосте, о жизни. Мира подошла к ним медленно и осторожно, остановившись в шаге от высокой худой женщины с седыми волосами. «Как тебя зовут?» — спросила она, и женщина долго молчала, прежде чем ответить хрипло.

«Лада, мы не знаем, как жить заново, мы забыли всё», — сказала она, и в голосе её была вековая усталость. Мира взяла её за руку крепко и сильно и сказала: «Тогда дыши со мной, вдох вода, выдох огонь». Лада закрыла глаза и задышала криво и страшно, но всё же задышала. Серая корка на её пальцах треснула, и под ней показалась розовая и тёп-лая кожа. Лада открыла глаза и посмотрела на свои руки, а потом на Миру. «Получилось впервые за долгое время», — прошептала она.

Вельмир подошёл и встал рядом, посмотрев на Ладу, а потом на Миру. «Ты учишь их, но кто учит тебя?» — спросил он тихо, и Мира замерла, посмотрев на него прямо и тепло.

«Ты, и ты, и все, каждый день, каждый вдох», — ответила она, и Вельмир сжал её руку сильнее и теплее. Ратмир подошёл и встал рядом, посмотрев на них, а потом на небо. «Что дальше?» — спросил он, и Мира посмотрела на горизонт, где солнце клонилось к закату.

«Дальше урок, не для них, а для нас, урок смирения», — сказала она, и Ярополк нахмурился. Мира объяснила, что они не могут спасти всех и не могут успеть везде. Они не боги, а мосты, а мост не выбирает, а просто стоит. Лада посмотрела на неё молча, а потом попросила научить их стоять. Мира улыбнулась и сказала, что тогда они начнут прямо сейчас. Она села на землю у костра и скрестила ноги, и Лада села напротив, неуклюже и непривычно.

Мира посмотрела на неё, а потом на всех остальных. «Дышите все вместе, медленно и ровно», — сказала она, и они начали дышать. Ветер стих, костёр трещал, и звёзды зажглись незнакомые, но красивые. Мира закрыла глаза и почувствовала нити, которые тянулись от неё ко всем, тонкие, золотые и живые. Она потянула мягко, и мир ответил.

А в это же время, далеко на востоке, там, где выжженная степь сходится с небом, по дороге шёл мальчик. Он не помнил своего имени и не знал, откуда пришёл. Он знал только, что где-то там его ждут. Он поднял голову, посмотрел на солнце и улыбнулся. Потом сделал шаг, и ещё один, и ещё.

Ратмир уходит, но возвращается с пятью незнакомцами из мёртвой деревни. Мира учит их отпускать боль и страх

— не бороться, а принимать. Она говорит, что они не боги, а мосты, и мост не выбирает, кого спасать. Лада просит научить их стоять. Они дышат вместе. А мальчик на востоке продолжает идти.

НОВЫЙ МОСТ

«Мост не спрашивает, враг перед ним или брат. Он просто связывает — и ждёт, пока они это поймут.»

Кочевники не ушли на рассвете, хотя Мира ждала именно этого. Она проснулась от запаха варёной баранины и дыма от кизяка, который жгли вместо дров. Ярополк сидел у костра и точил нож о плоский камень, и в этом занятии было что-то древнее и простое. Мира лежала неподвижно и слушала, как степь дышит вокруг лагеря. Вельмир спал рядом, и его дыхание было ровным, как у человека, который наконец перестал бояться.

Она встала и подошла к костру, и Ярополк поднял на неё глаза. Он молчал, но в его взгляде было что-то новое — не враждебность и не настороженность, а любопытство. «Ты остался», — сказала Мира, и это был не вопрос, а утверждение. Ярополк кивнул и ответил, что не знает почему, но что-то его держит здесь. Мира улыбнулась и ответила, что это и есть мост, потому что мост не спрашивает, а просто связывает.

Ратмир вышел из шатра и повёл плечами, разминая затекшие мышцы. Лада уже хлопотала у котла, и её движения были уверенными и живыми, как у женщины, которая вспом-

нила, для чего нужны руки. Ратко бегал между шатрами и смеялся, и его смех был чистым, как вода из родника. Кочевники смотрели на него настороженно, но никто не прогонял его, и это было первым знаком того, что лёд начал таять.

К полудню Мира собрала всех у большого костра в центре лагеря. Она не стала говорить речей, а просто села на землю и скрестила ноги. Ярополк сел напротив, и его воины неуклюже последовали его примеру. Ратмир сел рядом с Ладой, а Вельмир встал позади Миры, как тень, которая всегда рядом. Мира посмотрела на всех и сказала, что сегодня они будут учиться не дышать, а слушать. Они будут слушать друг друга и слышать то, что не сказано вслух.

Она закрыла глаза и потянулась к нитям, которые связывали всех, кто был здесь. Она чувствовала боль Ярополка, который потерял отца в набеге, и горе Ратмира, который потерял дом. Она чувствовала страх Лады, которая боялась снова поверить, и одиночество кочевников, которые не знали, как жить без войны. Мира не стала лечить эти раны, а просто показала их, и в этом была её мудрость.

«Смотрите», — сказала она тихо, и все увидели тонкие нити, которые тянулись от одного человека к другому. Они были золотыми и живыми, и они связывали врагов и друзей в одно целое. Ярополк смотрел на нить, которая тянулась от него к Ратмиру, и его лицо дрогнуло. Он не понимал, как такое возможно, но чувствовал, что это правда. Мира сказала, что мост — это не то, что строят руками, а то, что рождается

в сердце.

После этого уроки пошли день за днём. Лада училась дышать вместе с Ратко, и мальчик показывал ей, как правильно выдыхать огонь. Ратмир учился говорить с Ярополком и узнавать в нём не врага, а брата по боли. Вельмир учился учить, потому что Мира всё чаще отходила в сторону и смотрела на горизонт, где ждало что-то неведомое. Она не говорила об этом никому, но Вельмир чувствовал её тревогу и не задавал вопросов.

На третий день Ярополк подошёл к Мире, когда она сидела у реки. Он сел рядом и долго молчал, глядя на воду. «Ты уйдёшь скоро», — сказал он наконец, и это был не вопрос. Мира кивнула и ответила, что уйдёт, потому что мост не стоит на месте. Ярополк смотрел на неё и спросил, кто же тогда останется здесь, чтобы держать этот мост. Мира улыбнулась и ответила, что останется он, потому что он уже не воин, а пастырь.

Ярополк долго молчал, а потом засмеялся — впервые за всё время их знакомства. Его смех был хриплым и непривычным, как у человека, который давно забыл, как это делается. «Пастырь, — повторил он, — я, который двадцать лет водил людей на смерть». Мира посмотрела на него тепло и сказала, что как раз поэтому он и сможет повести их к жизни. Он посмотрел на реку, потом на небо, а потом на свои руки, которые помнили кровь.

«Хорошо», — сказал он наконец, и в этом слове было

больше смысла, чем в иных клятвах. Мира встала и пошла к лагерю, и Ярополк пошёл за ней, и в этом простом движении было что-то, что говорило о начале новой жизни. Вечером они сидели у костра, и Ярополк рассказывал истории о своих предках, которые жили в этих степях ещё до раскола. Его голос был низким и ровным, и дети кочевников слушали его, раскрыв рты.

Мира смотрела на них и чувствовала, как нити становятся крепче и ярче. Она понимала, что этот мост уже не нуждается в её постоянном присутствии. Он стоит сам, как дерево, которое пустило корни. Вельмир подошёл и сел рядом, и она положила голову ему на плечо. «Завтра мы уйдём», — сказала она тихо, и он кивнул, потому что знал это без слов. Она не сказала, куда они пойдут, потому что ещё не знала сама.

А далеко за степью, там, где земля встречается с небом и где начинаются чужие края, мальчик шёл по выжженной дороге. Он не помнил своего имени и не знал, откуда пришёл. Он знал только, что его ждут где-то там, за краем мира. Солнце поднималось над горизонтом, и он улыбнулся ему, как старому другу. Потом сделал шаг, и ещё один, и ещё, и дорога уводила его всё дальше на восток.

Кочевники не уходят. Ярополк остаётся с ними, чтобы держать мост на этом берегу. Мира учит всех примирению через дыхание и общие нити. Они отпускают боль и страх, и мост становится крепче. Мира и её спутники уходят на север, оставив Ярополка пастырем.

Семья

«Семья — это не те, с кем ты связан кровью. Это те, с кем ты связан дыханием.»

Они покинули лагерь кочевников на рассвете, и степь провожала их тишиной. Ярополк вышел проводить их до края стойбища и остановился у последнего костра. Он не стал говорить долгих речей, а просто обнял Миру крепко и по-отцовски. «Ты вернёшься», — сказал он, и это был не вопрос, а утверждение. Мира кивнула и ответила, что обязательно вернётся, потому что мост не рвётся, а только растёт. Ярополк посмотрел на неё долгим взглядом, а потом повернулся к Вельмиру и протянул ему руку.

Вельмир пожал её крепко, без колебаний, и в этом рукопожатии было больше смысла, чем в иных клятвах. Ратмир и Лада остались с кочевниками, потому что поняли, что их место теперь здесь. Ратко обнял Миру за ногу и не отпускал, пока она не пообещала, что однажды они снова увидятся. Мальчик улыбнулся и убежал к другим детям, и его смех звенел в утреннем воздухе, как колокольчик. Мира смотрела ему вслед и чувствовала, что сделала всё правильно.

Дорога вела их на север, и степь постепенно сменялась лесостепью. Трава становилась выше, а воздух — влажнее, и в этом переходе было что-то, что напоминало Мире о доме. Вельмир шёл рядом и молчал, но его молчание было тёплым, как одеяло. Яромир замыкал шествие и иногда останавливался, чтобы сорвать пучок полыни или крапивы. Он скла-

дывал травы в сумку и говорил, что они пригодятся в пути, и Мира улыбалась его предусмотрительности.

К вечеру третьего дня они вышли к широкой реке, которая текла с севера на юг. Вода в ней была тёмной и холодной, как взгляд человека, который много видел и не хочет вспоминать. Мира остановилась на берегу и почувствовала, как оберег на груди похолодел и сжался. «Река Студёная, — сказал Вельмир тихо, — граница между степью и северными землями». Мира посмотрела на воду и поняла, что река не просто отделяет земли, а отделяет жизни.

Она шагнула в воду первой, и река не пустила её сразу. Ледяные струи обхватили ноги и потянули вниз, к илистому дну, где лежали кости утонувших. Мира не стала бороться, а просто задышала медленно и ровно, как учила всех остальных. Тепло поднималось из глубины её существа, и лёд отступал, неохотно и медленно, но отступал. Река расступилась перед ней, как расступается толпа перед тем, кто несёт свет.

Вельмир шагнул следом без колебаний, и вода приняла его так же, как приняла её. Яромир перешёл последним, и когда он ступил на другой берег, то облегчённо выдохнул. Северные земли встретили их холодом, но не злым и не мёртвым, а суровым и честным, как взгляд старого воина. Скалы здесь были выше, трава жёстче, ветер резче, и небо казалось ниже, но во всём этом чувствовалась жизнь.

К ночи они вышли к селению, которое стояло у подножия

ледяных скал. Дома были сложены из камня и дёрна, крыши поросли мхом, а окна были узкими, как бойницы. Ни дыма, ни огня, ни голосов не было слышно, и только тишина стояла над домами, тяжёлая и настороженная. Мира остановилась на краю селения и закрыла глаза, и то, что она почувствовала, заставило её сердце сжаться.

Из ближайшего дома вышла женщина, высокая и прямая, с седыми волосами, заплетёнными в тугую косу. Её глаза были холодными, как северное небо, но в них тлела искра, которая ещё не погасла. «Кто вы?» — спросила она низким и ровным голосом, и в этом голосе не было страха. Мира ответила, что она Мирослава, мост, и что она пришла с жизнью и теплом. Женщина усмехнулась криво и сказала, что здесь нет ни жизни, ни тепла, а только лёд и смерть.

Мира не стала спорить, а просто опустилась на колени прямо в снег. Она разрыла его руками до самой земли, которая была мёрзлой и твёрдой, как камень. Потом достала последнее семя, которое осталось у неё от дерева в Костном Броде. Она положила его в ямку и накрыла землёй и снегом, и в этом простом движении было больше силы, чем в любом заклинании.

Женщина смотрела на неё молча, и в её глазах что-то дрогнуло. Мира закрыла глаза и задышала медленно и ровно, и Вельмир опустился рядом и задышал вместе с ней. Земля под ними вздрогнула, как будто вздохнула, и в снегу появилась тонкая трещина. Из трещины пробился зелёный росток,

и женщина ахнула впервые за долгое время. Люди начали выходить из домов, и их лица были серыми и потрескавшимися, но глаза были живыми.

Мира встала и посмотрела на них, и в её взгляде было столько тепла, что даже снег под ногами, казалось, начал таять. Она сказала, что не будет учить их магии, потому что магия — это не главное. Она научит их дышать, и через дыхание они научатся жить заново. Женщина смотрела на неё, и в её глазах была война между недоверием и надеждой. Наконец она кивнула и сказала, что её зовут Зорица, и что она готова попробовать.

Они дышали весь вечер и всю ночь, и к утру первая серая корка треснула на руках старика, который сидел у стены и молчал. Он посмотрел на свои пальцы, розовые и тёплые, и заплакал, не стыдясь слёз. Зорица смотрела на него, а потом на Миру, и в её глазах больше не было льда. «Ты — мост, — сказала она, — и я поняла это только сейчас». Мира улыбнулась и ответила, что мост — это не она, а все они вместе.

Вельмир отошёл в сторону и сел у камня, глядя на росток, который пробился из-под снега. Он думал о том, что этот росток не её, а его собственный, потому что он дышал рядом и вкладывал в него свою жизнь. Мира подошла и села рядом, и он сказал ей об этом тихо и просто. Она улыбнулась и ответила, что это и есть настоящий мост — когда один человек не может, а двое могут. Вельмир взял её за руку, и они сидели так долго, пока не взошло солнце.

А далеко на востоке, за степями и лесами, по выжженной дороге шёл человек. Он был уже не мальчиком, потому что время шло быстрее, чем он думал. Он не помнил своего имени, но помнил, что его ждут. И он шёл, потому что не мог иначе, и дорога вела его к свету.

Мира покидает лагерь кочевников, оставив Ярополка держать мост на этом берегу. В северном селении она встречает Зорицу и учит людей дышать заново. Росток, посаженный Вельмиром, прорастает сам — без её семени и дыхания. Мира понимает, что мост стоит и без неё.

Эпилог: Новый день

«Дом — там, где тебя ждут. Мост — там, где ты нужен.»

Мира проснулась от того, что солнечный луч упал на её лицо. Он был золотым и тёплым, как будто само небо решило подарить ей утро без тревог. Она лежала на тюфяке из сухого мха и слушала, как Вельмир дышит рядом. Его рука покоилась на её животе, тяжёлая и тёплая, и в этом прикосновении было столько спокойствия, что она не сразу решилась пошевелиться. Оберег на груди пульсировал ровно, и в этом пульсе было что-то, что напоминало колыбельную.

Она осторожно убрала его руку и встала, стараясь не скрипнуть половицами. Северное селение просыпалось медленно, и люди выходили из домов с лицами, на которых уже не было серой корки отчаяния. Дети бегали по снегу и смеялись, и их смех звенел в морозном воздухе, как бубенцы на тройке. Женщины разводили огонь в очагах, и дым под-

нимался к небу тремя тонкими струйками. Зорица стояла у колодца и поила лошадей, и её движения были уверенными, как у хозяйки, которая знает цену каждому дню.

Мира подошла к ростку, который пробился вчера из-под мёрзлой земли. За ночь он поднялся на ладонь и выпустил два тонких листочка, зелёных и живых. Она опустилась на колени и коснулась их пальцами, и росток дрогнул, как будто узнал её. Вельмир вышел из дома и встал рядом, и в его глазах было что-то, что она видела только в самые тихие минуты. «Он растёт, — сказал он тихо, — и это не твоё, а наше». Мира кивнула и ответила, что так и должно быть, потому что мост не может быть одним.

К полудню пришли новые люди, и их было больше, чем вчера. Они шли из-за ледяных скал, из деревень, которые считались мёртвыми давно, и несли на себе хворь и надежду. Мира вышла им навстречу и не стала говорить речей, а просто села на снег и предложила им дышать. Они сели вокруг неё, неуклюже и недоверчиво, но сели, потому что больше им было некуда идти. Зорица принесла горячей воды с мёдом и начала обходить людей, и в этом простом жесте было больше милосердия, чем в иных молитвах.

Вельмир учил рядом с ней, и его голос был спокойным и уверенным. Он уже не боялся прикасаться к людям и не отводил глаз, когда они смотрели на него с благодарностью. Яромир разносил травяные настои, и его руки, которые помнили меч, теперь умели заваривать коренья и листья. Мира

смотрела на них и чувствовала, как нити становятся крепче, и в этом было что-то, что напоминало ей дерево в Костном Броде. Она поняла, что мост больше не нуждается в её постоянном присутствии, потому что он стоит сам.

К вечеру первый старик, сгорбленный и седой, сидел у костра, держал и гладил свои руки. Они были розовыми и тёплыми, и он смотрел на них так, как будто видел впервые. «Я помню свою жену, — сказал он тихо, — и её косы, и её песни, и её смех». Мира села рядом и ответила, что память — это тоже жизнь, и что он не потерял её, а только отложил на время. Старик посмотрел на неё и заплакал, и в этих слезах была не горечь, а благодарность.

Ночью они сидели у костра все вместе, и Мира рассказывала истории о дереве и о первой жрице. Она не говорила о пророчествах и ритуалах, а говорила о простых вещах: о том, как рос росток, как пела вода, как дышал камень. Зорица слушала и подбрасывала хворост в огонь, и её лицо было задумчивым и живым. Вельмир сидел рядом с Мирой, и его плечо касалось её плеча, и в этом прикосновении было больше близости, чем в иных словах.

Она вышла к ростку, когда все уснули, и оберег на груди был тёплым и ровным. Росток светился в темноте слабым и живым светом, и Мира чувствовала, как он дышит вместе с ней. «Ты сделала это, — прошептал голос в её голове, тот самый, женский и древний. — Ты дала им дыхание, и они ожили». Мира улыбнулась и ответила, что она не сделала ничего

особенного, а просто была рядом. Голос усмехнулся тепло и сказал, что именно это и есть самое важное.

Утром она проснулась от того, что росток пел. Это был не звук, а чувство, которое разливалось по телу и наполняло его светом. Мира встала и вышла наружу, и то, что она увидела, заставило её сердце забиться быстрее. Росток вырос за ночь и превратился в деревце, молодое и сильное, с тонким стволом и белым цветком на верхушке. Вельмир вышел следом и встал рядом, и его глаза были широко раскрыты. «Он вырос сам», — сказал он, и в его голосе было что-то, что напоминало благоговение.

Мира опустилась на колени и коснулась ствола, и деревце дрогнуло, как будто узнало её. Она поняла, что это не её дерево, а его, потому что он дышал рядом и вкладывал в него свою жизнь. Вельмир сел рядом и сказал, что не знал, что может, что умеет и что достоин. Мира взяла его за руку и ответила, что он достоин всегда был, просто не верил, и теперь верит. Он посмотрел на неё, и в его тёмных глазах были звёзды, и в этих звёздах было что-то, что она не могла назвать, но что жило в ней с самого начала.

К полудню они собрались в путь, потому что новые земли звали их дальше. Люди вышли проводить их до края селения, и их лица были живыми и тёплыми. Зорица обняла Мира крепко и сказала, что будет ждать её возвращения. Ратко, который остался с кочевниками, прислал с гонцом обгоревшую игрушку и записку, в которой было только одно слово:

«Дыши». Мира улыбнулась и спрятала игрушку в сумку, и в этом жесте было что-то, что связало её с мальчиком навсегда.

Дорога вела их на юг, туда, где земля становилась теплее, а небо — выше. Мира шла первой, и оберег на груди пульсировал ровно и тепло. Вельмир шёл рядом, и его молчание было тёплым, как одеяло. Яромир замыкал шествие, и его сумка была полна трав и кореньев, которые он собирал в пути. Они шли молча, потому что слова были лишними, и степь расступалась перед ними, как расступается вода перед тем, кто несёт свет.

А далеко на востоке, там, где выжженная земля сходится с небом, человек остановился на краю обрыва. Он не помнил своего имени, но помнил, что его ждут. Ветер трепал его волосы, и в этом ветре был запах перемен. Он посмотрел на солнце и улыбнулся, и в этой улыбке было что-то, что говорило о начале. Потом он сделал шаг, и ещё один, и ещё, и дорога уводила его к свету.

Мира просыпается в северном селении и видит, что росток Вельмира вырос в деревце — сам, без её помощи. Она понимает, что мост держится и без неё. Приходят новые люди, и Мира учит их дышать. Вельмир становится мостом рядом с ней. Эпизод завершается рассветом и мальчиком, идущим с востока.

Глава 2: «Дорога домой»

Возвращение

«Дорога домой — самый длинный мост. Но его всегда стоит перейти.»

Мира проснулась от того, что воздух стал другим. Он был не сухим и колючим, как в степи, а влажным и мягким, как дыхание матери над колыбелью. Она лежала в палатке из промасленной ткани и слушала, как капли росы скатываются по ней. Вельмир спал рядом, и его рука покоилась на её животе, тяжёлая и тёплая. Мира не стала будить его, а просто лежала и дышала, потому что в этом дыхании было что-то, что напоминало о доме.

Она вышла наружу, и утренний туман окутал её со всех сторон. Он был густым и влажным, как парное молоко, и в этом тумане было что-то, что заставило её сердце биться спокойнее. Болото дышало вокруг неё, медленно и ровно, и в этом дыхании была жизнь, к которой она так долго шла. Она закрыла глаза и почувствовала нити, которые тянулись на запад, через леса и топи, к дереву, которое ждало её всё это время.

Вельмир вышел из палатки и встал рядом, и его молчание было тёплым, как одеяло. «Ты чувствуешь?» — спросила Мира, и он кивнул, не открывая глаз. «Дом, — сказал он тихо, — он близко, совсем близко». Мира улыбнулась и от-

ветила, что это самое правильное слово, которое она слышала за последние дни. Он открыл глаза и посмотрел на неё, и в его тёмных глазах были звёзды, которые она знала наизусть.

Они собрались в путь быстро, потому что дорога сама вела их вперёд. Яромир свернул палатку и приторочил её к седлу, и его движения были уверенными, как у человека, который знает, что делает. Ратмир и Лада остались с кочевниками, потому что нашли там своё место, и это было правильно. Мира обняла их на прощание и сказала, что однажды они встретятся снова, и в этом обещании не было ни капли лжи.

Дорога вилась между холмами и перелесками, и с каждым шагом воздух становился всё более знакомым. Пахло мокрым мхом и багульником, и этот запах был для Миры дорожке любых благовоний. Вельмир шёл рядом и иногда касался её руки, как будто проверял, что она всё ещё здесь. Яромир шёл позади и насвистывал что-то простое и народное, и в этом свисте было что-то, что напоминало о временах, когда мир был проще.

К полудню они вышли к знакомым местам, и Мира остановилась на краю болота. Вода была чёрной и гладкой, как зеркало, и в ней отражались облака, которые бежали куда-то на восток. Она опустила на колени и коснулась воды ладонью, и вода отозвалась ей теплом, как будто узнала. Вельмир сел рядом и сказал, что здесь они впервые шли вместе, когда она ещё боялась каждого шороха. Мира рассмеялась и ответила, что тогда она боялась всего, а теперь не боится ничего.

Они шли по мосткам, которые скрипели под ногами знакомым скрипом, и этот скрип был для Миры лучшей музыкой. Вельмир шагнул рядом и смотрел на неё, и в его взгляде было что-то, что заставляло её сердце биться чаще. Яромир остановился и указал рукой вперёд, и Мира увидела дым, который поднимался над деревьями. Это был не чёрный дым пожара, а тёплый дым очагов, и в этом дыме была жизнь.

Деревня открылась внезапно, как открывается книга, которую ты читал много раз. Дома на сваях стояли на своих местах, и их крыши поросли зелёным мхом. Мостки были узкими и скользкими, но Мира шла по ним уверенно, потому что знала каждый поворот. Люди выходили из домов и смотрели на неё молча, и в их глазах было что-то, что заставило её сердце сжаться. Они не бросились к ней, как в прошлый раз, а просто стояли и смотрели, как будто ждали чего-то.

Первым к ней подошёл старейшина, опираясь на посох из кривого дуба. Его лицо было изрезано морщинами, как кора старого дерева, но глаза были живыми и ясными. «Ты вернулась, — сказал он, и это был не вопрос, а утверждение. — Мы ждали тебя очень долго». Мира кивнула и ответила, что вернулась, потому что не могла иначе. Старейшина посмотрел на неё долгим взглядом, а потом улыбнулся впервые за долгое время.

Мальчик выбежал из толпы и обнял её за ногу, крепко и сильно. Он вырос за это время и стал выше, но глаза остались такими же — живыми и серьёзными. «Ты пришла, — сказал

он, и в его голосе была серьёзность, которая не соответствовала возрасту. — Я знал, что ты придёшь». Мира опустилась на колени и обняла его, и в этом объятии было столько тепла, что она не сразу смогла заговорить. «Я всегда прихожу, — сказала она наконец. — Обещаю». Мальчик отстранился и посмотрел на неё с укором. «Не обещай, — сказал он. — Сделай».

Мира рассмеялась, и слёзы брызнули из её глаз, но это были слёзы радости, а не горя. Она пообещала, что сделает, и мальчик улыбнулся и убежал к другим детям. Вельмир подошёл и встал рядом, и его плечо коснулось её плеча. «Ты справилась, — сказал он тихо, и в его голосе была гордость. — Ты сделала то, что должна была». Мира покачала головой и ответила, что справилась не она, а они все вместе, и в этом была вся правда.

Дерево встретило их светом, который был виден издалека. Оно выросло за это время и стало могучим, с широкой кроной и белыми цветами, которые светились в сумерках. Мира подошла к нему медленно и остановилась в шаге от ствола, потому что не могла наглядеться. Она положила ладонь на кору и почувствовала, как дерево дышит под её рукой, ровно и глубоко, как живое существо. Вельмир подошёл сзади и обнял её, и в этом объятии было что-то, что соединило их с деревом и со всем миром.

«Я помню, как мы пришли сюда в первый раз, — сказала Мира тихо. — Всё было мёртвым и серым, и не было ни тра-

винки». Вельмир кивнул и ответил, что помнит, как она упала тогда, и как он нёс её на руках всю дорогу. Мира улыбнулась и сказала, что теперь она не упадёт, потому что научилась стоять. Он посмотрел на неё и в его глазах было что-то, что говорило о том, что он гордится ею.

Мать Вельмира подошла к ним, и её шаги были медленными, но не тяжёлыми. Она уже не пряталась и не боялась, а просто шла, как женщина, которая нашла своё место в мире. Она остановилась рядом и посмотрела на сына, а потом на Миру, и в её взгляде было что-то, что заставило сердце Мира наполниться теплом. «Сын, — сказала она тихо, и Вельмир повернулся к ней. — Мама», — ответил он, и в этом простом слове было больше смысла, чем в долгих речах.

Он обнял её крепко и сильно, как будто ждал этого момента всю жизнь. Мать обняла его в ответ, и слёзы потекли по её щекам, но она не вытирала их. Мира смотрела на них и чувствовала, как что-то в её груди растёт и крепнет, как росток под снегом. Она поняла, что прощение — это тоже мост, который соединяет берега, которые казались навеки разделёнными.

Вечером они сидели у костра, и это был тот же костёр, что и в первый раз, но теперь вокруг него собрались все. Яромир и Злата сидели рядом и держались за руки, и в этом жесте было что-то, что говорило о будущем. Радомир сидел в тени и смотрел на брата, и в его глазах не было больше ненависти. Верховная сидела рядом с ним и что-то тихо говорила, и её

голос был спокойным и уверенным.

Мира смотрела на них и чувствовала, как нити тянутся от неё ко всем, тонкие и золотые, как паутина на утренней росе. Она закрыла глаза и потянула за них, и свет разлился по всему лагерю, тёплый и живой. Люди вздрогнули и посмотрели на неё, и в их глазах было что-то, что говорило о том, что они чувствуют силу, которая течёт через неё.

«Что дальше?» — спросил Яромир, и его голос был тихим, но твёрдым. Мира посмотрела на него и ответила, что дальше будет жизнь, долгая и трудная, но вместе они справятся. Злата сказала, что это долго, и в её голосе была усталость, которую она не прятала. Мира согласилась, что долго, но напомнила, что они вместе, а значит, справятся.

Она сидела у дерева, когда все уснули, и оберег на груди был тёплым и ровным. Дерево светилось в темноте, и его свет был мягким и живым, как дыхание спящего ребёнка. Мира чувствовала, как оно дышит вместе с ней, и в этом дыхании было что-то, что напоминало о вечности. «Ты сделала это», — прошептал голос в её голове, и в этом голосе была теплота, которую она знала с самого начала. Мира улыбнулась и ответила, что сделала не она, а все они, и что это только начало.

А за много вёрст к востоку, там, где степь сходится с небом, по дороге шёл человек. Он не помнил своего имени, но помнил, что его ждут. Он посмотрел на восток и улыбнулся, потому что почувствовал, что путь его близок к за-

вершению.

Мира и её спутники возвращаются в Костный Брод после долгого пути. Деревня встречает их с радостью. Дерево выросло. Мальчик обнимает Миру. Она понимает, что дома. Вечером они сидят у костра, и Мира чувствует, что мост держится.

Новости

«Мост не спорит с теми, кто называет его злом. Он просто стоит — и ждёт, пока они устанут.»

Утро в Костном Броде началось с крика петуха, которого Мира не слышала раньше. Она проснулась и лежала неподвижно, слушая, как деревня просыпается вокруг неё. Пахло дымом от берёзовых поленьев и свежей рыбой, которую женщины уже чистили у мостков. Вельмир спал рядом, и его рука тяжело лежала на её животе, как будто охраняла даже во сне. Мира не стала будить его, а просто лежала и дышала, потому что в этом утре было что-то, что напоминало ей о детстве.

Она вышла на мостки, и туман поднимался от чёрной воды медленно и лениво. Болото дышало вокруг неё, и в этом дыхании была жизнь, к которой она привыкла, как к собственному сердцу. Ярополк уже не спал и сидел у костра, глядя на восток, и в его глазах было что-то, что говорило о бессонной ночи. Мира подошла и села рядом, и он подвинулся, чтобы дать ей место. «Ты не спишь», — сказала она, и это был не вопрос. «Думаю», — ответил он коротко.

Он рассказал ей, что чувствует что-то новое, что-то, что идёт с востока. Не беду и не радость, а что-то среднее, как первый снег или первая гроза. Мира закрыла глаза и потянулась к нитям, и одна из них была натянута, как струна, и вела куда-то далеко. «Там кто-то есть, — сказала она тихо. — Кто-то, кого мы не знаем, но кто знает нас». Ярополк посмотрел на неё и нахмурился, потому что не понимал, как такое может быть. «Это мост, — ответила Мира. — Он соединяет не только тех, кто рядом, но и тех, кто далеко».

Вельмир вышел из дома и потянулся, разминая затекшие плечи. Он подошёл к ним и сел рядом, и его присутствие было спокойным и надёжным, как стена за спиной. «Что случилось?» — спросил он, и Мира ответила, что пока ничего, но что-то готовится. Он кивнул и не стал задавать лишних вопросов, потому что привык доверять её чувствам больше, чем своим глазам.

К полудню пришли новости, и принёс их мальчик-гонщик из соседней деревни. Он был худым и быстрым, как заяц, и его ноги были сбиты в кровь от долгой дороги. Он рассказал, что на юге, за степями, появился человек, который называет себя пророком. Он собирает людей и говорит им, что мосты — это зло, а пепел — это единственный путь к очищению. Мира слушала его молча, и в её груди росло что-то холодное и тяжёлое.

«Кто он такой?» — спросил Яромир, который подошёл вместе с Златой. Гонщик пожал плечами и ответил, что ни-

кто не знает его имени, но все боятся его слов. Он говорит, что тот, кто несёт перемены, несёт смерть, и что деревни, которые приняли мост, будут сожжены. Мира посмотрела на Вельмира, и он посмотрел на неё, и в этом взгляде было что-то, что говорило о том, что они уже слышали подобное.

Злата подошла и взяла Миру за руку, и её пальцы были холодными и дрожащими. «Это Пепельный лорд», — сказала она тихо, и в её голосе был страх, который она не могла скрыть. Мира покачала головой и ответила, что Пепельный лорд был другим, что он сражался открыто, а этот человек действует словами. Вельмир согласился и добавил, что слова иногда страшнее меча, потому что их нельзя увидеть и от них нельзя защититься.

Мира встала и пошла к дереву, потому что ей нужно было подумать. Дерево стояло в центре деревни и светилось ровно и тепло, как сердце, которое не перестаёт биться. Она положила ладонь на кору и закрыла глаза, и дерево отозвалось ей теплом, как будто поняло её тревогу. «Что делать?» — прошептала она, и в этом шёпоте была не слабость, а просьба о совете. Дерево молчало, но в его молчании была не пустота, а что-то, что ждало её решения.

Вельмир подошёл и встал рядом, и его плечо коснулось её плеча. «Ты не можешь остановить его словами, — сказал он тихо. — Но ты можешь показать, что они неправда». Мира посмотрела на него и поняла, что он прав, потому что мост не спорит, а просто стоит и держит. Она обняла дерево, как

будто прощалась с ним, и в этом объятии была благодарность за то, что оно всегда ждало её.

Вечером они собрали совет, и на него пришли все, кто был в деревне. Старейшина сидел у костра и молчал, потому что знал, что молодые решат лучше него. Яромир и Злата сидели рядом и держались за руки, и в этом жесте была поддержка, которая не требовала слов. Ратмир и Лада пришли с детьми, и их лица были спокойными, потому что они уже прошли через худшее и не боялись больше.

Мира рассказала им о том, что услышала, и о том, что собирается делать. Она не стала скрывать, что будет трудно и что, возможно, придётся оставить деревню на время. Люди слушали её молча, и в их глазах была не паника, а готовность, которая появляется у тех, кто уже прошёл через смерть. Когда она закончила, старейшина поднял голову и сказал, что они будут ждать её столько, сколько нужно.

Ночью Мира не спала, потому что думала о том, что ждёт её впереди. Она вышла к воде и села на мостки, свесив ноги в чёрную воду. Оберег на груди пульсировал ровно и тепло, и в этом пульсе была уверенность, которую она не могла объяснить. Вельмир подошёл и сел рядом, и его рука легла на её руку. «Ты готова?» — спросил он, и в его голосе была не тревога, а вера. Мира кивнула и ответила, что готова, потому что мост не выбирает, когда стоять.

А за много вёрст к востоку, там, где степь сходится с небом, по дороге шёл человек. Он был уже не один, потому

что к нему присоединились другие. Они шли молча, и в их молчании была не покорность, а решимость. Человек остановился на холме и посмотрел на запад, туда, где садилось солнце. «Мы идём домой», — сказал он тихо, и в этих словах была не радость, а правда.

В Костный Брод приходят тревожные новости: на юге объявился пророк, который называет мосты злом и сжигает деревни, принявшие перемены. Мира и её сподвижники понимают, что слова страшнее меча, и решают идти навстречу опасности. Они собирают совет и готовятся к новому пути, чтобы показать правду делом, а не спором.

Дерево

«Дерево помнит корни. Человек — тех, кто его вырастил. Мост — и то, и другое.»

Мира проснулась от того, что солнечный свет падал на её лицо сквозь щели в стенах. Он был тёплым и золотым, как будто само небо решило подарить ей утро без тревог. Вельмир спал рядом, и его рука лежала на её животе, тяжёлая и тёплая. Она не стала будить его и вышла на мостки, где воздух был свежим и влажным. Пахло мокрым тростником и дымом от берёзовых поленьев, которые жгли в очагах с самого утра.

Дерево стояло в центре деревни, и его свет был виден даже сквозь утренний туман. Мира подошла к нему медленно и остановилась в шаге от ствола, потому что не могла наглядеться. Кора была гладкой и тёплой, как кожа ребёнка,

и в ней пульсировала жизнь. Она положила ладонь на ствол и закрыла глаза, и дерево отозвалось ей теплом, как будто узнало её. В этом тепле была не только сила, но и память о том, что было.

Мальчик подбежал к ней и обнял за ногу, крепко и сильно. Он вырос за это время и стал выше, но глаза остались такими же — живыми и серьёзными. «Ты обещала учить», — сказал он, и в его голосе была не просьба, а напоминание. Мира опустила на колени и посмотрела на него прямо и тепло. «Обещала, — ответила она. — И сделаю». Мальчик улыбнулся и убежал к другим детям, и его смех звенел в утреннем воздухе, как колокольчик.

К полудню Мира собрала всех у дерева, и на этот раз пришли не только дети, но и взрослые. Яромир пришёл первым и встал в стороне, скрестив руки, и в его глазах было что-то, что говорило о готовности. Злата пришла следом и держала в руках пучок полыни и крапивы, которые она собрала накануне. Ратмир и Лада пришли с детьми, и их лица были спокойными, потому что они уже прошли через худшее. Старейшина сидел у стены дома и молчал, потому что знал, что молодые решат лучше него.

Мира встала на камень, который лежал у корней дерева, и посмотрела на людей. Она не стала говорить долгих речей, а просто сказала, что сегодня они будут учиться памяти. Память — это не боль и не тяжесть, а жизнь, которая продолжается через тех, кто помнит. Люди слушали её молча, и в

их глазах была не паника, а готовность, которая появляется у тех, кто уже прошёл через смерть.

Она опустилась на колени и коснулась земли ладонью, и земля под её рукой была мягкой и тёплой, как свежееиспечённый хлеб. Мира потянула нити, и они пошли от неё к дереву, а от дерева — ко всем, кто стоял вокруг. По поверхности земли пошли круги, ровные, как дыхание спящего ребёнка, и в этих кругах появились тени. Не страшные и не тёмные, а просто образы, как отражения в воде: люди, дома, деревья, птицы.

Дети ахнули и прижались к родителям, но взрослые смотрели на тени с удивлением, а не со страхом. Яромир увидел своего отца, который погиб на войне, и его лицо дрогнуло. Злата увидела свою мать, ведунью, которая учила её травам и песням, и слёзы потекли по её щекам. Ратмир увидел свою деревню, которая сгорела, и свою жену, которая умерла, и он сжал руку Лады, чтобы не упасть. Лада увидела свою сестру, которую потеряла в детстве, и улыбнулась сквозь слёзы.

Мира смотрела на них и чувствовала, как нити становятся крепче и ярче. Она поняла, что память — это тоже мост, который соединяет живых с теми, кто ушёл, и что этот мост нельзя разрушить. Вельмир подошёл и встал рядом, и его плечо коснулось её плеча. «Ты учишь их, — сказал он тихо. — Но кто учит тебя?» Мира посмотрела на него и ответила, что учит он, и дерево, и все они вместе, каждый день.

Вельмир подошёл к дереву и коснулся ствола ладонью,

и дерево отозвалось ему теплом. Он закрыл глаза и увидел свою мать, молодую и счастливую, с сыном на руках. Она пела ему песню без слов, и в этой песне была жизнь, которая не знала ни войн, ни расколов. Вельмир открыл глаза и посмотрел на мать, которая стояла в стороне, и в его взгляде было что-то, что говорило о прощении.

Мать подошла к нему и коснулась дерева, и увидела то же, что и он. Они сидели рядом, мать и сын, и молчали, и в этом молчании было больше смысла, чем в любых словах. Яромир подошёл к дереву и увидел своего отца, который держал его на плечах и пел песни. Он открыл глаза и посмотрел на Миру, и в его взгляде была благодарность, которую он не мог выразить. Злата подошла и увидела свою мать, которая говорила ей, что она — ведунья и мост между мирами. Она открыла глаза и посмотрела на Миру, и её янтарные глаза были тёплыми и живыми.

Радомир подошёл к дереву и увидел своего брата, маленького и смешного, которого он учил держать меч. Он открыл глаза и посмотрел на Вельмира, и в его взгляде была не ненависть, а что-то, что напоминало о любви. «Прости», — сказал он тихо, и Вельмир подошёл к нему и положил руку на плечо. «Ты здесь, — ответил он. — Сейчас. Это главное». Радомир поднял глаза, и в них были слёзы, которые он не стыдился.

Верховная подошла к дереву и увидела себя молодой и жестокой, которая убивала и жгла, думая, что это сила. Она

открыла глаза и посмотрела на Миру, и в её взгляде было что-то, что говорило о том, что она поняла что-то важное. «Ты изменила меня», — сказала она тихо. Мира покачала головой и ответила, что изменила не она, а дерево, и земля, и все они вместе.

Мать Вельмира подошла к дереву и увидела свою дочь Ладу, маленькую и смешную, которая пела всё время, даже когда плакала. Она открыла глаза и заплакала, и в этих слезах была не горечь, а благодарность. Вельмир подошёл и обнял её, крепко и сильно, как будто хотел защитить от всего мира. «Ты успела, — сказал он тихо. — Сейчас. Со мной. С нами». Мать посмотрела на него и улыбнулась сквозь слёзы.

Старик из Горелого Лога подошёл к дереву и увидел свою жену, детей и внуков, и дом, который был полон жизни. Он открыл глаза и посмотрел на Миру, а потом упал на колени, и в этом жесте было что-то, что говорило о том, что он нашёл то, что искал всю жизнь. «Спасибо, — сказал он. — Ты вернула всё». Мира подошла и помогла ему встать, и в этом жесте было больше смысла, чем в любых словах.

Ярополк подошёл к дереву и увидел свою жизнь, своё стойбище и свою семью, которую потерял давно. Он открыл глаза и посмотрел на Миру, и в его взгляде было что-то, что говорило о том, что он простил себя. «Спасибо, — сказал он. — Я помню. Всё. Теперь». Мира улыбнулась и ответила, что память — это жизнь, и что он не потерял её, а только отложил на время.

К вечеру они сидели у костра, и это был тот же костёр, что и всегда, но теперь вокруг него собрались все. Мира смотрела на них и чувствовала, как нити становятся крепче и ярче. Она поняла, что мост больше не нуждается в её постоянном присутствии, потому что он стоит сам, как дерево, которое пустило корни. Вельмир подошёл и сел рядом, и его плечо коснулось её плеча. «Что дальше?» — спросил он, и Мира ответила, что дальше будет жизнь, долгая и трудная, но вместе они справятся.

Ночью Мира вышла к дереву одна, и оберег на груди был тёплым и ровным. Дерево светилось в темноте, и его свет был мягким и живым, как дыхание спящего ребёнка. Она положила ладонь на ствол и почувствовала, как оно дышит вместе с ней. «Ты сделала это, — прошептал голос в её голове, женский и древний. — Ты научила их помнить». Мира улыбнулась и ответила, что научила не она, а дерево, и что это только начало.

А за много вёрст к востоку, там, где степь сходится с небом, по дороге шёл человек. Он был уже не один, потому что к нему присоединились другие. Они шли молча, и в их молчании была не покорность, а решимость. Человек остановился на холме и посмотрел на запад, туда, где садилось солнце. «Мы идём домой», — сказал он тихо, и в этих словах была не радость, а правда.

Мира собирает всех у дерева и учит их памяти. Люди видят тени предков, прощают старые обиды и отпуска-

ют боль. Дерево отвечает светом. Мира понимает, что память — это не груз, а мост между прошлым и будущим.

Уроки

«Мост не просто стоит — он учит стоять других. И в этом его главный урок.»

Прошло семь дней с того вечера, когда дерево открыло людям их memories. Мира не считала эти дни, потому что жила ими, как живут дыханием. Каждое утро она просыпалась от того, что солнечный луч падал на её лицо, и каждое утро Вельмир был рядом. Оберег на груди пульсировал ровно и тепло, как второе сердце, которое билось в такт с первым. Она выходила на мостки и слушала, как деревня просыпается, и в этом пробуждении была жизнь, к которой она шла так долго.

Люди приходили к ней сами, и их было всё больше с каждым днём. Они шли из-за болот, из-за лесов, из деревень, которые считались мёртвыми давно. Они несли на себе хворь и надежду, и Мира принимала их всех, потому что мост не выбирает. Она учила их дышать, и через дыхание они учились жить заново. Вельмир учил рядом с ней, и его голос был спокойным и уверенным, как у человека, который нашёл своё место в мире.

Яромир и Злата взяли на себя заботы о новоприбывших. Они устраивали их в домах, кормили и лечили, и в этом простом служении было больше смысла, чем в иных подвигах. Ратмир и Лада помогали с детьми, потому что знали, как

трудно маленькому человеку в чужом мире. Старейшина сидел у дерева и рассказывал истории о временах, когда мир был целым, и дети слушали его, раскрыв рты, как слушают сказку перед сном.

На четвёртый день пришла женщина с ребёнком на руках. Ребёнок был серым и потрескавшимся, как земля в засуху, и дышал едва-едва. Мира взяла его на руки и почувствовала, как хворь цепляется за его жизнь, как паук за паутину. Она села у дерева и стала дышать, и дерево дышало вместе с ней. Мальчик открыл глаза через час, и его кожа порозовела, как заря на востоке. Женщина заплакала и упала на колени, но Мира подняла её и сказала, что не она это сделала, а дерево и земля.

На пятый день пришли трое мужчин из-за дальних холмов. Они были воинами и несли мечи, но не для боя, а для защиты. Они сказали, что слышали о мосте и хотят служить ему. Мира посмотрела на них и спросила, умеют ли они дышать. Они не поняли вопроса, и она объяснила, что дыхание — это первое, чему нужно научиться, прежде чем брать в руки меч. Они остались и учились, и на третий день один из них заплакал, потому что вспомнил свою мать, которую потерял в детстве.

На шестой день Ярополк пришёл к Мире и сказал, что в лагере кочевников всё спокойно. Ратко растёт и учится дышать вместе с другими детьми. Ярополк стал другим человеком: его голос был мягче, а глаза — теплее. Он сказал, что не

понимает, что с ним произошло, но что он благодарен. Мира улыбнулась и ответила, что он нашёл свой мост, а это самое важное, что может найти человек.

На седьмой день пришли новости с востока. Гонщик рассказал, что пророк, который называет себя Пепельным пастырем, идёт на запад с большим войском. Он сжигает деревни, которые приняли мост, и убивает всех, кто не отрекается. Мира слушала его молча, и в её груди росло что-то холодное и тяжёлое, как камень. Вельмир подошёл и встал рядом, и его плечо коснулось её плеча, и в этом прикосновении была поддержка, которая не требовала слов.

Мира собрала совет вечером, и на него пришли все, кто был в деревне. Она рассказала им о том, что услышала, и о том, что собирается делать. Она не стала скрывать, что будет трудно и что, возможно, придётся оставить деревню на время. Люди слушали её молча, и в их глазах была не паника, а готовность, которая появляется у тех, кто уже прошёл через смерть. Старейшина поднял голову и сказал, что они будут ждать её столько, сколько нужно.

Ночью Мира вышла к дереву и села у его корней. Оберег на груди пульсировал ровно и тепло, и в этом пульсе была уверенность, которую она не могла объяснить. Вельмир подошёл и сел рядом, и его рука легла на её руку. «Ты готова?» — спросил он, и в его голосе была не тревога, а вера. Мира кивнула и ответила, что готова, потому что мост не выбирает, когда стоять. Она посмотрела на дерево и поняла, что оно

будет ждать её, как ждало всегда.

А за много вёрст к востоку, там, где степь сходится с небом, по дороге шло войско. Впереди ехал человек в сером плаще, и его глаза горели зелёным огнём. Он не помнил своего имени, но помнил, что его ждут. Он посмотрел на запад и улыбнулся, и в этой улыбке не было радости.

Мира собирает всех у дерева и учит их кругу мостов. Люди держатся за руки и дышат вместе, и серая корка трескается, а кожа розовеет. Вельмир учится быть мостом рядом с ней. Мира понимает, что урок не в словах, а в дыхании и единстве.

Страх

«Страх — это тень. Мост — это свет. Тень исчезает, когда загорается свет.»

Ночь опустилась на Костный Брод тихо и мягко, как одеяло, наброшенное заботливой рукой. Деревня заснула быстро, убаюканная песней воды и шёпотом болота. Мира лежала на тюфяке из сухого мха, и рядом был Вельмир, который спал глубоко и крепко. Его рука покоилась на её талии, тяжёлая и тёплая, и в этом прикосновении было столько спокойствия, что она не сразу решилась пошевелиться. Оберег на груди пульсировал ровно и тепло, и в этом пульсе была колыбельная, которую пела ей бабушка в детстве.

Но сон не шёл, и Мира не понимала почему. Она лежала неподвижно и прислушивалась к тишине, и в этой тишине было что-то, что не давало ей покоя. Что-то чужое,

что-то тёмное, что-то, что уже жило в ней, росло и крепло. Она осторожно убрала руку Вельмира и встала, стараясь не скрипнуть половицами. Вышла на мостки, и ночной воздух окутал её со всех сторон, прохладный и влажный. В этом воздухе было что-то, что заставило её плечи напрячься, а дыхание стать глубже.

Она смотрела на воду, на звёзды, на дерево, которое светило в темноте ровно и живо. И в этом взгляде было что-то, от чего её сердце наполнилось тревогой. Но что-то было не так, что-то, что она чувствовала каждой клеткой своего тела. Что-то, что шло из глубины, из воды, из земли, из памяти. Она закрыла глаза и потянулась к этому чувству, не магией, не силой, а собой, своим теплом, своей жизнью, своей любовью. Она чувствовала нити, тонкие и золотые, которые шли от неё ко всему. К Вельмиру, к мальчику, к дереву, к деревне, к миру. И в этих нитях была жизнь, была сила, была надежда.

И тогда она поняла, что это был страх. Не её страх, а чужой, тот, который шёл из глубины, из земли, из памяти. Тот, который жил в каждом человеке, в каждом мосте, в каждом мире. Это был страх перемен, страх неизвестности, страх того, что что-то может пойти не так. И этот страх был настолько сильным, что Мира почувствовала, как её собственное сердце сжалось. Как её собственное дыхание перехватило, как её собственные руки задрожали.

Вельмир подошёл сзади бесшумно, как тень, и обнял её,

крепко и бережно. Прижал к себе, и его подбородок лёг ей на плечо, а дыхание коснулось щеки. Она не вздрогнула, не обернулась, просто прижалась к нему. Чувствуя, как его сердце бьётся ровно и глубоко у её спины, и в этом ритме было что-то, что заставило её плечи расслабиться. «Ты чувствуешь?» — спросила Мира, и голос её был тихим, почти шёпотом. «Чувствую, — сказал Вельмир, и в его голосе была тяжесть, которую он не прятал. — Страх. Чужой. Давний. Сильный».

Мира улыбнулась, и в этой улыбке было что-то, от чего его глаза засветились теплом. «Я тоже, — сказала она. — Каждой клеткой. Каждой косточкой. Каждой частицей». Он повернул её к себе и посмотрел в глаза, и в его тёмных глазах были звёзды. И в этих звёздах было что-то, от чего её сердце затрепетало, как птица в груди. «Ты знаешь, что я люблю тебя, — сказал он, и это был не вопрос. — Но я хочу говорить это каждый день. Чтобы ты слышала. Чтобы помнила. Чтобы никогда не сомневалась».

Мира коснулась его щеки ладонью и провела пальцами по шраму, который тянулся от виска к подбородку. И в этом движении было столько нежности, что Вельмир закрыл глаза и выдохнул. «Я знаю, — сказала она. — Я чувствую. Каждой клеткой. Каждой косточкой. Каждой частицей». Он открыл глаза, и в них было что-то, от чего у неё перехватило дыхание. «Тогда идём, — сказал он. — К дереву. К страху. К жизни». Идём, сказала Мира.

Они пошли к дереву медленно, рука в руке, и в этом движении было что-то, от чего её тело наполнилось спокойствием. Дерево светилось ровно и живо, как жизнь, как надежда, как мост. И в этом свете было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. Мира подошла, медленно, остановилась, рядом, посмотрела, молча. Потом улыбнулась и заплакала, и в этих слезах было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. «Страх, — сказала она, и голос её был тихим, почти шёпотом. — Чужой. Давний. Сильный. Он здесь. В дереве. В земле. В нас».

Вельмир смотрел на неё, молча, потом заговорил, и в его голосе была тяжесть, которую он не прятал. «Что делать?» — спросил он, и голос его дрогнул. Мира смотрела на дерево, на его листья, на его цветы, на его плоды, на его жизнь. И в этом взгляде было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. «Принять, — сказала она. — Не бороться. Не убегать. Принять. И отпустить». Она опустилась на колени и коснулась земли ладонью. Потянулась к страху, не магией, не силой, а собой, своим теплом, своей жизнью, своей любовью. Она чувствовала его, тёмного, липкого, тяжёлого. Он шёл из глубины, из земли, из памяти. И в этом страхе была жизнь, была сила, была надежда.

«Дыши, — прошептала она, и голос её был тихим, почти шёпотом. — Со мной. Вдох вода. Выдох огонь». Вельмир опустился рядом, на колени, в землю, не боялся, не мог. И дышал с ней, медленно, ровно, вдох вода, выдох огонь. И в

этом дыхании было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. Он чувствовал её нити, тонкие и золотые, которые шли от неё к нему, от него к ней. И в этих нитях была жизнь, была сила, была надежда.

Страх начал отступать, медленно, неохотно, но отступать. Как будто он понял, как будто он принял, как будто он отпустил. Земля дрогнула, медленно, по поверхности пошли круги, ровные, как дыхание, как пульс, как жизнь. И в этих кругах появились тени, не страшные, не тёмные, просто образы. Люди, дома, деревья, птицы, всё, что было, всё, что живёт, всё, что будет. «Получилось, — прошептала Мира, и голос её дрогнул. — Получилось, — сказал Вельмир, и в его голосе была теплота, которую он не прятал».

Мира встала и посмотрела на него, прямо и тепло, и в этом взгляде было что-то, от чего его глаза засветились нежностью. «Ты чувствуешь?» — спросила она, и голос её был тихим, почти шёпотом. «Чувствую, — сказал Вельмир. — Легче. Свободнее. Живее». «Это страх, — сказала Мира. — Он ушёл. Не весь. Но ушёл. Потому что мы приняли. Потому что мы отпустили. Потому что мы вместе». Вельмир смотрел на неё, молча, долго, и в его глазах было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью.

«Тогда идём, — сказал он. — Домой». Идём, сказала Мира. Они пошли в дом, тёплый, сухой, и в этом доме было что-то, от чего её тело расслабилось, а мысли успокоились. Вельмир обнял её, крепко и нежно, и она прижалась к нему.

Чувствуя его тепло, его силу, его жизнь, и в этом объятии было что-то, от чего её дыхание стало ровным и глубоким. «Ты знаешь, что я люблю тебя», — прошептал он в темноту. «Знаю, — прошептала Мира. — Я тоже». Он поцеловал её, нежно и долго, и в этом поцелуе было что-то, от чего её сердце затопило тепло.

«Спи, — сказал он. — Я посторожу». Мира закрыла глаза, оберег на груди был тёплым, ровным. Вельмир рядом, всегда рядом, и в этом присутствии было что-то, от чего её губы тронула счастливая улыбка. А над деревней занимался рассвет, не пепельный, а новый. Сотканный из голубого и золотого света, который ложился на воду и мостки, как обещание, как надежда, как сама жизнь.

А за много вёрст к востоку, там, где степь сходится с небом, по дороге шло войско. Впереди ехал человек в сером плаще, и его глаза горели зелёным огнём. Он остановился на холме и посмотрел на запад, туда, где садилось солнце. «Скоро, — прошептал он. — Скоро мы встретимся, мост».

Мира чувствует чужой страх, идущий из глубины земли. Вместе с Вельмиром она принимает его и отпускает у дерева, и тьма отступает. Вечером они возвращаются домой. А далеко на востоке идёт войско во главе с человеком в сером плаще. Он хочет встретиться с мостом.

Передать мост

«Самое большое чудо — не построить мост, а передать его дальше.»

Ночь опустилась на Костный Брод тихо и мягко, как одеяло из овечьей шерсти. Мира лежала на тюфяке из сухого мха, но сон не шёл к ней. Что-то происходило внутри, что-то важное, что-то, что она ждала, сама не зная того. Она положила ладонь на живот и почувствовала, как под кожей что-то шевельнулось. Маленькое, тёплое, живое. Не Заря. Что-то другое. Что-то новое.

Вельмир спал рядом, и его рука тяжело лежала на её талии. Мира не стала будить его, а просто лежала и слушала, как внутри неё бьётся второе сердце. Оно было быстрым и лёгким, как крылья бабочки, и в этом ритме была жизнь, к которой она шла так долго. Оберег на груди пульсировал ровно и тепло, и в этом пульсе была колыбельная, которую пела ей бабушка в детстве. Только теперь эту колыбельную пела она сама.

Она вспомнила все те ночи, что они провели вместе, все те ласки, объятия и поцелуи. Вспомнила, как Вельмир касался её, как шептал ей слова любви, как держал её в своих руках. Вспомнила, как он смотрел на неё, как будто она была всем миром, и как она отвечала ему тем же. И в этих воспоминаниях было что-то, от чего её сердце наполнилось теплом. Она поняла, что это чудо. Это жизнь. Это то, что росло внутри неё и ждало своего часа.

Вельмир проснулся, как будто почувствовал что-то сквозь сон. Он повернулся к ней и посмотрел на неё, и в его тёмных глазах было что-то, от чего её сердце затрепетало. «Что?» —

спросил он, и голос его был тихим, почти шёпотом. Мира улыбнулась, и в этой улыбке было что-то, от чего его глаза засветились теплом. «Я чувствую, — сказала она. — Что-то. Внутри. Что-то. Живое». Он смотрел на неё молча, долго, и в его глазах было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. «Ты уверена?» — спросил он, и голос его дрогнул. «Уверена, — сказала Мира. — Я чувствую. Каждой клеткой. Каждой косточкой. Каждой частицей».

Он положил руку на её живот, осторожно и нежно, и в этом прикосновении было столько любви, что Мира закрыла глаза и выдохнула. «Я чувствую, — сказал он, и голос его дрогнул. — Тепло. Жизнь. Чудо». Мира открыла глаза и посмотрела на него, и в этом взгляде было что-то, от чего его глаза засветились нежностью. «Это наше, — сказала она. — Наше чудо. Наша жизнь. Наша любовь». Вельмир смотрел на неё молча, а потом улыбнулся, мягко, как мальчишка, как человек, как тот, кто поверил, наконец. «Тогда идём, — сказал он. — К дереву. К жизни. К чуду». Идём, сказала Мира.

Они пошли к дереву медленно, рука в руке, и в этом движении было что-то, от чего её тело наполнилось спокойствием. Дерево светилось ровно и живо, как жизнь, как надежда, как мост. И в этом свете было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. Мира подошла, медленно, остановилась, рядом, посмотрела, молча. Потом улыбнулась и заплакала, и в этих слезах было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. «Я чувствую, — сказала она,

и голос её был тихим, почти шёпотом. — Жизнь. Внутри. Новую. Нашу».

Вельмир смотрел на неё, молча, потом заговорил, и в его голосе была теплота, которую он не прятал. «Что делать?» — спросил он, и голос его дрогнул. Мира смотрела на дерево, на его листья, на его цветы, на его плоды, на его жизнь. И в этом взгляде было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. «Принять, — сказала она. — Не бояться. Не сомневаться. Принять. И любить». Она опустилась на колени и коснулась земли ладонью. Потянулась к жизни, не магией, не силой, а собой, своим теплом, своей жизнью, своей любовью. Она чувствовала её, новую, маленькую, слабую, но сильную. Она шла из глубины, из живота, из сердца. И в этой жизни была сила, была надежда, была любовь.

«Дыши, — прошептала она, и голос её был тихим, почти шёпотом. — Со мной. Вдох вода. Выдох огонь». Вельмир опустился рядом, на колени, в землю, не боялся, не мог. И дышал с ней, медленно, ровно, вдох вода, выдох огонь. И в этом дыхании было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. Он чувствовал её нити, тонкие и золотые, которые шли от неё к нему, от него к ней. И в этих нитях была жизнь, была сила, была надежда.

Новая жизнь началась, медленно, неохотно, но началась. Как будто она поняла, как будто она приняла, как будто она отпустила. Земля дрогнула, медленно, по поверхности пошли круги, ровные, как дыхание, как пульс, как жизнь. И в

этих кругах появились тени, не страшные, не тёмные, просто образы. Люди, дома, деревья, птицы, всё, что было, всё, что живёт, всё, что будет. «Получилось, — прошептала Мира, и голос её дрогнул. — Получилось, — сказал Вельмир, и в его голосе была теплота, которую он не прятал».

Мира встала и посмотрела на него, прямо и тепло, и в этом взгляде было что-то, от чего его глаза засветились нежностью. «Ты чувствуешь?» — спросила она, и голос её был тихим, почти шёпотом. «Чувствую, — сказал Вельмир. — Тепло. Жизнь. Чудо». «Это наша жизнь, — сказала Мира. — Наше чудо. Наша любовь. Она растёт. Внутри. Во мне. В нас». Вельмир смотрел на неё, молча, долго, и в его глазах было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью.

«Тогда идём, — сказал он. — Домой». Идём, сказала Мира. Они пошли в дом, тёплый, сухой, и в этом доме было что-то, от чего её тело расслабилось, а мысли успокоились. Вельмир обнял её, крепко и нежно, и она прижалась к нему. Чувствуя его тепло, его силу, его жизнь, и в этом объятии было что-то, от чего её дыхание стало ровным и глубоким. «Ты знаешь, что я люблю тебя», — прошептал он в темноту. «Знаю, — прошептала Мира. — Я тоже». Он поцеловал её, нежно и долго, и в этом поцелуе было что-то, от чего её сердце затопило тепло.

«Спи, — сказал он. — Я посторожу». Мира закрыла глаза, оберег на груди был тёплым, ровным. Вельмир рядом, всегда рядом, и в этом присутствии было что-то, от чего её губы

тронула счастливая улыбка. А над деревней занимался рассвет, не пепельный, а новый. Сотканный из голубого и золотого света, который ложился на воду и мостки, как обещание, как надежда, как сама жизнь.

А за много вёрст к востоку, там, где степь сходится с небом, по дороге шло войско. Впереди ехал человек в сером плаще, и его глаза горели зелёным огнём. Он остановился на холме и посмотрел на запад, туда, где садилось солнце. «Скоро, — прошептал он. — Скоро мы встретимся, мост».

Мира чувствует движение внутри и понимает, что беременна. Вместе с Вельмиром она идёт к дереву, и оно показывает им тень их дочери. Они называют её Заря. Мира говорит всем, и люди встречают новость с радостью. Жизнь продолжается, и мост растёт.

Эпилог: Новое имя

«Имя — это первый мост между тем, кем ты был, и тем, кем станешь.»

Мира проснулась с первым лучом солнца, который пробился сквозь щели в стенах. Он был тёплым и золотым, как будто само небо решило подарить ей утро без тревог. Она лежала на тюфяке из сухого мха и слушала, как Вельмир дышит рядом. Его рука покоилась на её животе, тяжёлая и тёплая, и в этом прикосновении было столько спокойствия, что она не сразу решилась пошевелиться. Оберег на груди пульсировал ровно, и в этом пульсе была колыбельная, которую пела ей бабушка в детстве.

Она положила свою руку поверх его руки и почувствовала, как под кожей что-то шевельнулось. Маленькое, тёплое, живое. Внутри неё росла жизнь, и с каждым днём она становилась сильнее и ярче. Мира закрыла глаза и потянулась к этой жизни, не магией, не силой, а собой, своим теплом, своей любовью. Она чувствовала нити, тонкие и золотые, которые шли от неё к ребёнку, от ребёнка к ней. И в этих нитях была жизнь, была сила, была надежда.

Вельмир проснулся, как будто почувствовал её прикосновение сквозь сон. Он повернулся к ней и посмотрел на неё, и в его тёмных глазах было что-то, от чего её сердце затрепетало. «Ты уже не спишь, — сказал он тихо, и в его голосе была та хрипотца, которая появлялась у него только по утрам. — Смотрю на тебя и не могу наглядеться». Мира улыбнулась, и в этой улыбке было что-то, от чего его глаза засветились теплом. «Я тоже, — сказала она. — Каждое утро. И каждый вечер. И каждый миг между ними».

Он повернул её к себе и посмотрел в глаза, и в его взгляде было что-то, от чего её сердце затопило тепло. «Ты знаешь, что я люблю тебя, — сказал он, и это был не вопрос. — Но я хочу говорить это каждый день. Чтобы ты слышала. Чтобы помнила. Чтобы никогда не сомневалась». Мира коснулась его губ своими, легко и нежно, и в этом поцелуе было что-то, от чего по её телу разлилось тепло. «Я знаю, — сказала она. — Я чувствую. Каждой клеткой. Каждой косточкой. Каждой частицей».

Он обнял её крепче и прижал к себе, и она почувствовала, как его сердце бьётся ровно и глубоко. В этом ритме было что-то, от чего её дыхание стало спокойным и глубоким. Они лежали так долго, пока солнце не поднялось выше и пока деревня не начала просыпаться. Голоса людей становились громче, и в этом утре было что-то, от чего её душа наполнялась тихой радостью.

К полудню Мира собрала всех у дерева, и это был не урок и не ритуал. Она просто хотела сказать то, что давно жило в ней, росло и крепло. Люди пришли сами, много, все, кто был в деревне. Яромир и Злата, Ратмир и Лада, Радомир и Верховная, Ярополк и старейшина, мальчик и все остальные. В этом единстве было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью.

Она встала на камень у корней дерева и посмотрела на них, и в этом взгляде было что-то, от чего люди замолчали. «Я хочу сказать вам что-то важное, — сказала Мира, и голос её был твёрдым, но в нём была теплота. — Что-то, что изменит всё». Тишина повисла в воздухе, густая и тяжёлая, но не враждебная, а ждущая. Мира улыбнулась и положила руку на живот. «Я жду ребёнка, — сказала она. — Нашего ребёнка. Наше чудо. Нашу жизнь».

Тишина стала ещё глубже, как будто весь мир замер, чтобы услышать эти слова. Потом крик, радостный и громкий, разорвал воздух. Люди бросились к ней, обнимать, плакать, смеяться, жить. Дети хватали её за руки, женщины целовали

в щёки, старики кланялись низко. Мира не отстранялась и принимала всё, как будто она была их частью, как будто они были её частью, как будто они были одним целым.

Мальчик подбежал к ней и обнял за ногу, крепко и сильно. «Ты будешь мамой, — сказал он, и голос его был тихим, почти шёпотом. — А я буду как старший брат». Мира опустилась на колени и посмотрела на него прямо и тепло. «Будешь, — сказала она. — И ты будешь учить её всему, что знаешь». Мальчик улыбнулся широко и открыто, и в этой улыбке было что-то, от чего её сердце наполнилось теплом. «Я буду, — сказал он. — Обещаю». «Не обещай, — сказала Мира, и в её голосе была усмешка. — Сделай». «Сделаю», — сказал мальчик, и голос его был твёрдым.

Вельмир подошёл и встал рядом, и в этом стоянии было что-то, от чего Мира почувствовала себя не просто живой, а нужной. Он смотрел на неё молча, а потом заговорил, и в его голосе была теплота, которую он не прятал. «Я буду отцом, — сказал он. — И защитником. И мостом. Всем сразу». Мира посмотрела на него, и в её груди росло что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. «Ты справишься, — сказала она. — Я знаю. Ты уже справляешься. Каждый день. Каждую ночь. Каждое мгновение».

Старейшина подошёл к ним, опираясь на посох из кривого дуба. Его лицо было изрезано морщинами, как кора старого дерева, но глаза были живыми и ясными. «У нас в роду есть обычай, — сказал он тихо. — Имя дают на седьмой

день, когда ребёнок впервые улыбнётся». Мира посмотрела на него и кивнула, потому что чувствовала, что этот обычай правильный. «А до тех пор, — продолжил старейшина, — мы будем звать её Заря. Потому что она — новая. Потому что она — наша. Потому что она — свет».

Яромир подошёл и встал рядом, и в его глазах было что-то, от чего её сердце наполнилось теплом. «Я рад за вас, — сказал он. — За всех. За мир». Мира улыбнулась и ответила, что рада не она, а все они вместе. Злата подошла следом и обняла её крепко, и в этом объятии было столько тепла, что Мира не сразу смогла заговорить. «Я испеку тебе пирог с мёдом и маком, — сказала Злата. — Так делала моя мать, и так буду делать я».

Радомир подошёл и посмотрел на брата, и в его глазах было что-то, что говорило о прощении. «Я рад, — сказал он тихо. — За тебя. За неё. За всех». Вельмир сжал его плечо и ответил, что рад не он, а все они вместе. Верховная подошла и встала рядом, и в этом стоянии было что-то, что говорило о принятии. «Я рада, — сказала она. — За вас. За всех. За мир». Мать Вельмира подошла медленно и остановилась рядом, и в её глазах были слёзы. «Я рада, — сказала она. — За вас. За всех. За мир».

Ярополк подошёл и встал рядом, и в его глазах было что-то, что говорило о мире. «Я рад, — сказал он. — За вас. За всех. За мир». Ратмир и Лада подошли следом и встали рядом, и в их глазах было что-то, что говорило о надежде.

«Я рада, — сказала Лада. — За вас. За всех. За мир». Дети подбежали и окружили Миру, и в их глазах было что-то, что говорило о будущем. Они смеялись и кричали, и в этом шуме было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью.

Мира смотрела на них, на всех, на своих, и слёзы потекли по её щекам. Она не вытирала их, потому что это были слёзы радости, а не горя. «Тогда празднуем, — сказала она, и голос её дрогнул. — Все. Вместе. Как мост». Вечером они сидели у костра, и это был тот же костёр, что и всегда. Но теперь вокруг него собрались все, и в этом единстве было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. Огонь трещал, звёзды горели, деревня спала, будущая.

Мира сидела у дерева, когда все уснули, и оберег на груди был тёплым и ровным. Дерево светилося в темноте, и его свет был мягким и живым, как дыхание спящего ребёнка. Она положила ладонь на ствол и почувствовала, как оно дышит вместе с ней. «Ты сделала это, — прошептал голос в её голове, женский и древний. — Ты дала им имя, и они приняли его». Мира улыбнулась и ответила, что дала не она, а все они вместе, и что это только начало.

Она вернулась к костру, и Вельмир стоял рядом, всегда рядом, и в этом присутствии было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. «Идём?» — спросил он, и голос его был тихим, почти шёпотом. «Идём», — сказала Мира, и голос её был твёрдым. Они пошли в дом, тёплый и сухой, и в этом доме было что-то, от чего её тело расслабилось,

а мысли успокоились. Вельмир обнял её, крепко и нежно, и она прижалась к нему, чувствуя его тепло, его силу, его жизнь.

«Ты знаешь, что я люблю тебя», — прошептал он в темноту. «Знаю, — прошептала Мира. — Я тоже». Он поцеловал её, нежно и долго, и в этом поцелуе было что-то, от чего её сердце затопило тепло. «Спи, — сказал он. — Я посторожу». Мира закрыла глаза, оберег на груди был тёплым и ровным. Вельмир рядом, всегда рядом, и в этом присутствии было что-то, от чего её губы тронула счастливая улыбка.

А над деревней занимался рассвет, не пепельный, а новый. Сотканный из голубого и золотого света, который ложился на воду и мостки, как обещание, как надежда, как сама жизнь. И в этом свете было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. Она знала, что впереди будет много испытаний. Знала, что враг идёт с востока и что скоро придётся оставить дом. Но она также знала, что она не одна. И этого было достаточно.

А за много вёрст к востоку, там, где степь сходится с небом, по дороге шло войско. Впереди ехал человек в сером плаще, и его глаза горели зелёным огнём. Он остановился на холме и посмотрел на запад, туда, где садилось солнце. «Скоро, — прошептал он. — Скоро мы встретимся, мост».

Мира и Вельмир ждут ребёнка и решают назвать дочь Заря. Люди в Костном Броде встречают эту весть с радостью. Вечером Мира чувствует, что это только начало, а

далеко на востоке мальчик продолжает идти к ней.

Глава 3: «Тени прошлого» Возвращение врага

«Тени прошлого не гаснут. Они просто ждут, когда ты повернёшься к ним лицом.»

Мира проснулась от того, что в груди стало тяжело. Не больно. Не страшно. Просто тяжело, как будто на сердце положили мокрый камень. Она лежала неподвижно и прислушивалась к этому чувству. Оберег на груди пульсировал быстрее обычного, тревожно и неровно, как пойманная птица. Вельмир спал рядом, и его рука покоилась на её животе, тяжёлая и тёплая. Мира не стала будить его и осторожно выскользнула из-под одеяла.

Она вышла на мостки, и утренний туман окутал её со всех сторон. Густой. Влажный. Прохладный. Но не враждебный, а ласковый, как объятие матери. Болото дышало вокруг неё, медленно и ровно, но в этом дыхании было что-то новое. Что-то чужое. Что-то, что не давало ей покоя. Она закрыла глаза и потянулась к нитям, и одна из них была натянута, как тетива лука. Она вела с севера. Оттуда, где лежали Пепельные земли.

Ярополк уже не спал и сидел на мостках, свесив ноги в чёрную воду. В его глазах было что-то, что говорило о бессонной ночи. Мира подошла и села рядом, и он подвинулся,

чтобы дать ей место. «Ты чувствуешь?» — спросила она тихо. «Чувствую, — ответил он, и в его голосе была тяжесть. — Что-то идёт. Близко. Очень». Мира посмотрела на него и спросила, что именно он чувствует. Ярополк долго молчал, а потом ответил, что это что-то тёмное, давнее и сильное.

Вельмир вышел из дома и подошёл к ним. Его лицо было каменным, но глаза живыми, и в этом взгляде было что-то, что говорило о том, что он тоже чувствует. «Я знаю это чувство, — сказал он тихо. — Я чувствовал его раньше. Давно. Очень». Мира посмотрела на него и спросила, кто это. Вельмир молчал долго, так долго, что она решила, что он не ответит. Но он ответил, и в его голосе была тяжесть, которую он не прятал. «Радомир, — сказал он. — Мой брат. Он вернулся».

Мира смотрела на него, и в её груди росло что-то, что было похоже на страх и надежду одновременно. «Ты уверен?» — спросила она, и голос её дрогнул. «Уверен, — сказал Вельмир. — Я чувствую его нити. Его боль. Его тьму». Мира смотрела на него прямо и тепло, и в этом взгляде было что-то, от чего его лицо дрогнуло. «Тогда встретим его, — сказала она, и голос её был твёрдым. — Вместе. Как мост. Как всегда». Вельмир посмотрел на неё и в его глазах было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. «Ты уверена?» — спросил он. «Уверена, — сказала Мира. — Я мост. Мост не бежит. Мост стоит. Всегда».

Они пошли к границе деревни медленно, рука в руке. Де-

рево светилось ровно и живо, как жизнь, как надежда, как мост. Мира подошла к нему и остановилась рядом, и в этом стоянии было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. Она положила ладонь на ствол и закрыла глаза, и дерево отозвалось ей теплом. «Он идёт, — сказала она тихо. — Я чувствую. Его. Боль. Тьму». Вельмир смотрел на неё молча, а потом заговорил. «Что делать?» — спросил он, и голос его дрогнул.

Мира смотрела на дерево, на его листья, на его цветы, на его плоды, на его жизнь. И в этом взгляде было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. «Принять, — сказала она. — Не бороться. Не убегать. Принять. И соединить». Она опустилась на колени и коснулась земли ладонью. Потянулась к нему, не магией, не силой, а собой, своим теплом, своей жизнью, своей любовью. Она чувствовала его, тёмного, липкого, тяжёлого. Он шёл из глубины, из земли, из памяти. И в этом страхе была жизнь, была сила, была надежда.

«Дыши, — прошептала она, и голос её был тихим, почти шёпотом. — Со мной. Вдох вода. Выдох огонь». Вельмир опустился рядом, на колени, в землю, не боялся, не мог. И дышал с ней, медленно и ровно. И в этом дыхании было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. Он чувствовал её нити, тонкие и золотые, которые шли от неё к нему. И в этих нитях была жизнь, была сила, была надежда.

Тьма начала отступать, медленно и неохотно, но отсту-

пать. Как будто она поняла, как будто она приняла, как будто она отпустила. Земля дрогнула, и по поверхности пошли круги, ровные, как дыхание, как пульс, как жизнь. И в этих кругах появились тени, не страшные, не тёмные, просто образы. Люди, дома, деревья, птицы, всё, что было, всё, что живёт, всё, что будет. «Получилось, — прошептала Мира, и голос её дрогнул. — Получилось, — сказал Вельмир, и в его голосе была теплота, которую он не прятал».

Мира встала и посмотрела на него, прямо и тепло. «Ты чувствуешь?» — спросила она. «Чувствую, — сказал Вельмир. — Легче. Свободнее. Живее». «Это он, — сказала Мира. — Он ушёл. Не весь. Но ушёл. Потому что мы приняли. Потому что мы отпустили. Потому что мы вместе». Вельмир смотрел на неё молча и долго, и в его глазах было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. «Тогда идём, — сказал он. — Домой». Идём, сказала Мира.

Они пошли в дом, тёплый и сухой, и в этом доме было что-то, от чего её тело расслабилось, а мысли успокоились. Вельмир обнял её крепко и нежно, и она прижалась к нему. Чувствуя его тепло, его силу, его жизнь, и в этом объятии было что-то, от чего её дыхание стало ровным и глубоким. «Ты знаешь, что я люблю тебя», — прошептал он в темноту. «Знаю, — прошептала Мира. — Я тоже». Он поцеловал её нежно и долго, и в этом поцелуе было что-то, от чего её сердце затопило тепло. «Спи, — сказал он. — Я посторожу». Мира закрыла глаза, оберег на груди был тёплым и ровным.

Вельмир рядом, всегда рядом, и в этом присутствии было что-то, от чего её губы тронула счастливая улыбка.

А над деревней занимался рассвет, не пепельный, а новый. Сотканный из голубого и золотого света, который ложился на воду и мостки, как обещание, как надежда, как сама жизнь. А за много вёрст к северу, там, где пепел сходится с небом, по дороге шёл человек. Его лицо было суровым, а руки помнили кровь. Он остановился на холме и посмотрел на юг, туда, где ждал его брат. «Скоро, — прошептал он. — Скоро мы встретимся, князь».

Мира чувствует приближение Радомира — брата Вельмира, несущего тьму и боль. Вместе с Вельмиром она выходит ему навстречу и принимает его, не борясь и не убегая. Радомир уходит, не став врагом, но и не оставшись с ними. А далеко на севере человек идёт своей дорогой, обещая скорую встречу.

Мать и сын

«Мать уходит не для того, чтобы бросить. А для того, чтобы вернуться — другой.»

Утро началось с крика ворона, и этот крик был резким и тревожным. Чёрная птица упала с неба камнем и села на дерево в центре деревни. Она смотрела на людей умными глазами, и в этом взгляде было что-то, что заставило Миру насторожиться. Она стояла на мостках и смотрела на птицу, а оберег на груди пульсировал быстрее и тревожнее. Как будто предупреждал о чём-то, что должно случиться.

Вельмир подошёл и встал рядом, и его лицо было каменным, но глаза живыми. Он протянул руку, и ворон склонил голову, и к лапе был привязан крошечный свиток. Красный, как кровь, как огонь, как смерть. Вельмир развернул его и прочитал, и лицо его побледнело. «Что?» — спросила Мира, и голос её дрогнул. «Мать, — сказал Вельмир, и в его голосе была тяжесть. — Она идёт. Сюда. Одна». Мира смотрела на него, и в её груди росло что-то, что было похоже на страх и надежду одновременно. «Зачем?» — спросила она. «Не знаю, — ответил он. — Но она идёт. Близко. Очень».

Они пошли к границе деревни медленно, рука в руке. Дерево светилося ровно и живо, как жизнь, как надежда, как мост. Мира остановилась рядом с ним и посмотрела вдаль. Она чувствовала её, эту женщину, которую видела лишь однажды. Чувствовала её боль, её надежду, её усталость. «Она идёт, — сказала Мира тихо. — Я чувствую. Её. Боль. Надежду». Вельмир смотрел на неё молча, а потом заговорил. «Что делать?» — спросил он, и голос его дрогнул. «Принять, — сказала Мира. — Не бороться. Не убегать. Принять. И соединить».

Мать вышла из тумана медленно, как будто каждый шаг стоил ей огромных усилий. В этом движении не было ни гордости, ни холода, ни власти. Была только усталость и что-то ещё, что Мира не могла назвать. Она была одна, без свиты и без охраны, без зелёного света, который всегда сопровождал её. В этой пустоте вокруг неё было что-то, что застави-

ло сердце Миры сжаться от сострадания. Она остановилась в нескольких шагах и посмотрела на сына, и в этом взгляде было столько всего, что слова были не нужны.

Вельмир смотрел на неё, и его лицо было каменным, но руки дрожали. Это дрожание выдавало его больше, чем любые слова. «Мама», — сказал он, и голос его был тихим, почти шёпотом. «Сын», — сказала она, и голос её дрогнул. Они стояли так долго, что Мира начала думать, что они никогда не сдвинутся с места. Но потом мать шагнула вперёд, и в этом шаге было что-то, что заставило сердце Миры сжаться. Она обняла его крепко и сильно, как будто боялась, что он исчезнет. Вельмир замер на одно мгновение, а потом обнял в ответ, и в этом объятии было столько боли и прощения, что Мира почувствовала, как слёзы наворачиваются на глаза.

Она не мешала, не подходила, не говорила. Она просто стояла и смотрела, и в этом взгляде было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. «Я не успела, — сказала мать, и голос её дрожал. — Я не успела тебя спасти. Я не успела тебя удержать. Я не успела тебя понять». «Ты успела, — сказал Вельмир, и голос его был твёрдым. — Сейчас. Со мной. С нами».

Мать отстранилась и посмотрела на него, и в её глазах было что-то, что заставило сердце Миры наполниться состраданием. Она перевела взгляд на Миру, и в этом взгляде не было больше холода. Не было ненависти и презрения. Была только усталость и что-то ещё, что Мира не могла назвать.

«Ты, — сказала мать, и голос её был тихим, почти шёпотом. — Ты сделала это. Ты соединила. Ты осталась». «Да, — сказала Мира, и голос её был твёрдым. — Я мост. Мост не растворяется. Мост стоит».

Мать смотрела на неё долго, так долго, что Мира начала чувствовать себя неуютно. Но потом она улыбнулась, по-настоящему, открыто, как девчонка, и в этой улыбке было что-то, от чего сердце Миры наполнилось тихой радостью. «Ты не первая жрица, — сказала мать. — Ты другая. Ты лучше». «Я знаю», — сказала Мира, и в её голосе была усмешка, которую она не прятала. Мать рассмеялась хрипло, как будто забыла, как это делается, и в этом смехе было что-то, от чего сердце Вельмира наполнилось теплом.

Она посмотрела на сына, потом на Миру, потом снова на сына, и в этом взгляде было что-то, от чего Мира почувствовала себя принятой. «Я пришла не воевать, — сказала мать. — Я пришла учиться». Мира смотрела на неё, на эту женщину, которая была верховной жрицей и матерью, врагом и чем-то средним между всем этим. В её груди росло что-то, что было похоже на понимание и сострадание. «Тогда дыши, — сказала Мира. — С нами. Вместе».

Мать закрыла глаза и глубоко вдохнула, и в этом вдохе было что-то, что заставило сердце Миры наполниться тихой радостью. Она дышала медленно и ровно, вдох вода, выдох огонь, вдох вода, выдох огонь. И в этом дыхании было что-то, от чего сердце Миры наполнилось спокойствием. Серая

корка на её руках, которую Мира не замечала раньше, треснула, медленно и неохотно, как будто сомневалась, как будто отпускала. И кожа под ней была розовой, тёплой, живой. «Получилось, — прошептала мать, и голос её дрогнул. — Впервые. За долго». Мира улыбнулась, и в этой улыбке было что-то, от чего сердце матери наполнилось тихой радостью. «Это начало, — сказала Мира. — Не конец».

Мать смотрела на неё, и в её глазах было что-то, от чего сердце Миры наполнилось тихой радостью. Она кивнула медленно и тяжело, и в этом кивке было что-то, от чего Мира почувствовала себя нужной. «Я вернусь, — сказала мать. — К народу. К тем, кто не знает. К тем, кто ждёт. Я должна. Им правду. Всю. Какую сама узнала». «Они не поймут», — сказал Вельмир, и голос его был тихим, почти шёпотом. «Знаю, — сказала мать, и она улыбнулась горько. — Но должны. Узнать. Понять. Или нет. Но должны. Услышать».

Вельмир смотрел на неё молча, а потом кивнул медленно и тяжело. «Хорошо, — сказал он. — Иди». Мать посмотрела на него, и слёзы, горячие и тихие, потекли по её щекам. Она не вытирала их, не могла, не хотела. Она обняла его ещё раз, крепко и сильно, как будто прощалась навсегда, и в этом объятии было столько любви, что Мира почувствовала, как что-то в её груди сжимается от нежности. «Сын», — сказала мать, и голос её дрогнул. «Мама», — сказал Вельмир, и голос его дрогнул.

Она отстранилась и посмотрела на Миру, и в этом взгляде было что-то, от чего сердце Миры наполнилось тихой радостью. «Ты мост, — сказала мать. — Ты соединишь. Всё. Пепел и воду. Огонь и землю. Жизнь и смерть. Всё. Я знаю». «Да», — сказала Мира, и голос её был твёрдым. «Ты не умрёшь, — сказала мать, и в её голосе была уверенность, которая не требовала доказательств. — Я знаю. Ты найдёшь. Как нашла у дерева. Как нашла в болоте. Как нашла здесь. Как найдёшь дальше». Мира смотрела на неё, и слёзы, горячие и тихие, потекли по её щекам. «Спасибо, — сказала Мира, и голос её дрогнул. — Не благодари, — сказала мать, и в её голосе была теплота. — Я не для тебя. Я для мира. Но... спасибо. За меня. За всё».

Она шагнула назад, медленно, в туман, в память, в свет. И в этом движении было что-то, от чего сердце Миры наполнялось тихой радостью. «Иди, — сказала она. — Возвращайся. Они ждут. Всегда». Она исчезла, как будто её и не было, как будто она приснилась, как будто она память, которая вернулась туда, откуда пришла. И в этом исчезновении было что-то, от чего сердце Миры наполнилось спокойствием.

Вельмир стоял неподвижно и смотрел в ту сторону, куда ушла мать. В его глазах было что-то, от чего Мира подошла и встала рядом. «Ты как?» — спросила Мира, и голос её был тихим, почти шёпотом. «Не знаю, — сказал Вельмир, и голос его был честным. — Странно. Пусто. И легко. Одновременно». Мира взяла его за руку, и его пальцы были горячими,

шершавыми, живыми. В этом прикосновении было что-то, от чего сердце Вельмира наполнилось спокойствием. «Это прощение, — сказала Мира. — Оно всегда так. Пусто и легко. Одновременно».

Вельмир посмотрел на неё, и в его тёмных глазах были звёзды. «Ты научила меня, — сказал он. — Прощать. Себя. Мать. Мир». Мира улыбнулась, и в этой улыбке было что-то, от чего сердце Вельмира наполнилось теплом. «Ты сам научился, — сказала она. — Я только показала». Они стояли так долго, пока солнце не поднялось над горизонтом и пока туман не рассеялся. Яромир подошёл и встал рядом молча, и в этом молчании было что-то, от чего Мира почувствовала себя частью чего-то большего. Злата подошла следом и улыбнулась тепло, и в этой улыбке было что-то, от чего сердце Миры наполнилось спокойствием.

Радомир подошёл и посмотрел на брата, и в его глазах было что-то, от чего сердце Миры наполнилось тихой радостью. Верховная подошла и встала рядом, и в этом стоянии было что-то, от чего Мира почувствовала себя не просто живой, а нужной. Пепельный лорд подошёл и встал рядом, и в его глазах было что-то, от чего сердце Миры наполнилось тихой радостью. Ярополк подошёл и встал рядом, и в его глазах было что-то, от чего сердце Миры наполнилось тихой радостью. Мальчик подбежал и обнял за ногу, крепко и сильно, и в этом объятии было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью.

«Что дальше?» — спросил Яромир, и голос его был тихим, почти шёпотом. «Жизнь, — сказала Мира, и голос её был твёрдым. — Долгая. Трудная. Мы будем учить. Строить. Соединять. Везде. Не только здесь. Везде». «Это долго», — сказала Злата, и в её голосе была усталость, которую она не прятала. «Да, — сказала Мира. — Но мы вместе. Значит справимся». Вельмир сжал её руку сильнее и теплее, и в этом жесте было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. «Вместе», — сказал он, и голос его был твёрдым. «Вместе», — повторили все хором, и в этом слове было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью.

Вечером они сидели у костра, Мира, Вельмир, Яромир, Злата, Радомир, Верховная, Пепельный лорд, Ярополк, мальчик спал на коленях Миры, и в этом единстве было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. Огонь трещал, звёзды горели, деревня спала, будущая. Мира сидела у дерева, одна, оберег на груди был тёплым и ровным. Она смотрела на дерево, на его листья, на его цветы, на его плоды, на его жизнь. И чувствовала, как оно дышит, как оно растёт, как оно живёт, с ней, со всеми, со всем.

«Ты сделала это, — прошептал голос в её голове, тот самый, женский и древний. — Ещё один мост. Ещё одно чудо. Ещё одна жизнь. Ещё одно прощение». Голос стих, вода вспыхнула, золото, тёплое, и погасло. И Мира вернулась к костру, и Вельмир стоял рядом, всегда рядом. И в этом присутствии было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой

радостью. «Идём?» — спросил он, и голос его был тихим, почти шёпотом. «Идём», — сказала Мира, и голос её был твёрдым.

Они пошли в дом, тёплый и сухой, и в этом доме было что-то, от чего её тело расслабилось, а мысли успокоились. Вельмир обнял её крепко и нежно, и она прижалась к нему, чувствуя его тепло, его силу, его жизнь. И в этом объятии было что-то, от чего её дыхание стало ровным и глубоким. «Ты знаешь, что я люблю тебя», — прошептал он в темноту. «Знаю, — прошептала Мира. — Я тоже». Он поцеловал её нежно и долго, и в этом поцелуе было что-то, от чего её сердце затопило тепло. «Спи, — сказал он. — Я посторожу».

Мира закрыла глаза, оберег на груди был тёплым и ровным. Вельмир рядом, всегда рядом, и в этом присутствии было что-то, от чего её губы тронула счастливая улыбка. А над деревней занимался рассвет, не пепельный, а новый. Состеканный из голубого и золотого света, который ложился на воду и мостки, как обещание, как надежда, как сама жизнь.

Мать Вельмира приходит в Костный Брод, чтобы попроситься. Она мирится с сыном, учится дышать и уходит в туман. Вельмир отпускает её, зная, что она вернётся. Мира поддерживает его, и мост становится крепче.

Обучение Зари

«Ребёнок — это мост, который ты строишь не для себя, а для тех, кто придёт после.»

Прошло семь дней с той ночи, когда Мира впервые почув-

ствовала движение внутри. Эти дни изменили многое, хотя внешне всё оставалось по-прежнему. Деревня жила своей размеренной жизнью, дерево росло, люди учились дышать. Вельмир учился быть мостом, а внутри Миры происходило что-то тихое и глубокое. Что-то, что она не могла назвать, но что уже жило в ней, росло и крепло с каждым днём.

Она просыпалась каждое утро с первым лучом солнца, который пробивался сквозь щели в стенах. Первое, что она чувствовала, было не тепло мха под спиной, а движение внутри. Маленькое, тёплое, живое, как будто Заря просыпалась вместе с ней. Как будто она тянулась к свету и улыбалась новому дню. Мира лежала неподвижно и прислушивалась к этому чувству, и оберег на груди пульсировал ровно и мягко, наполняя её тело тихим светом.

Вельмир спал рядом, и его рука покоилась на её животе. Тяжёлая и тёплая, она была как якорь, который держал Миру в этом мире. В этом прикосновении было столько спокойствия, что она не сразу решалась пошевелиться. Она смотрела на его лицо, на резкие скулы, на шрам, который тянулся от виска к подбородку белой нитью памяти. На губы, которые во сне чуть улыбались, и в этом взгляде было что-то, от чего её грудь наполнилась нежностью, тёплой и щемящей.

Она положила свою руку поверх его руки и почувствовала, как под кожей что-то шевельнулось в ответ. Внутри неё росла жизнь, и с каждым днём она становилась сильнее и ярче. Мира закрыла глаза и потянулась к этой жизни, не ма-

гией, не силой, а собой, своим теплом, своей любовью. Она чувствовала нити, тонкие и золотые, которые шли от неё к ребёнку, от ребёнка к ней. И в этих нитях была жизнь, была сила, была надежда.

Вельмир проснулся, как будто почувствовал её прикосновение сквозь сон. Он повернулся к ней и посмотрел на неё, и в его тёмных глазах было что-то, от чего её сердце затрепетало. «Ты уже не спишь, — сказал он тихо, и в его голосе была та хрипотца, которая появлялась у него только по утрам. — Смотрю на тебя и не могу наглядеться». Мира улыбнулась, и в этой улыбке было что-то, от чего его глаза засветились теплом. «Я тоже, — сказала она. — Каждое утро. И каждый вечер. И каждый миг между ними».

Он повернул её к себе и посмотрел в глаза, и в его взгляде было что-то, от чего её сердце затопило тепло. «Ты знаешь, что я люблю тебя, — сказал он, и это был не вопрос. — Но я хочу говорить это каждый день. Чтобы ты слышала. Чтобы помнила. Чтобы никогда не сомневалась». Мира коснулась его губ своими, легко и нежно, и в этом поцелуе было что-то, от чего по её телу разлилось тепло. «Я знаю, — сказала она. — Я чувствую. Каждой клеткой. Каждой косточкой. Каждой частицей».

Он обнял её крепче и прижал к себе, и она почувствовала, как его сердце бьётся ровно и глубоко. В этом ритме было что-то, от чего её дыхание стало спокойным и глубоким. Они лежали так долго, пока солнце не поднялось выше и пока

деревня не начала просыпаться. Голоса людей становились громче, и в этом утре было что-то, от чего её душа наполнялась тихой радостью.

К полудню Мира собрала всех у дерева, и это был не урок и не ритуал. Она хотела научить их тому, что знала сама, тому, что росло в ней вместе с Зарей. Люди пришли сами, много, все, кто был в деревне. Яромир и Злата, Ратмир и Лада, Радомир и Верховная, Ярополк и старейшина, мальчик и все остальные. В этом единстве было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью.

Мира встала на камень у корней дерева и посмотрела на них, и в этом взгляде было что-то, от чего люди замолчали. «Сегодня новое, — сказала она, и голос её был твёрдым. — Не только дыхание. Не только память. Сегодня обучение. Сегодня Заря. Сегодня наша дочь». Она подняла руку, и оберег на груди вспыхнул, тепло, и в этом тепле было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью.

«Она будет мостом, — сказала Мира. — Как я. Как Вельмир. Как все. Она будет чувствовать всё. Каждого. Она будет соединять всё. Пепел и воду. Огонь и землю. Жизнь и смерть. Всё». Люди смотрели на неё, и в их глазах было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. Они улыбались, они плакали, они смеялись, они жили, и в этом единстве было что-то, от чего её сердце наполнялось теплом.

Вельмир подошёл и встал рядом, и в этом стоянии было что-то, от чего Мира почувствовала себя не просто живой,

а нужной. Он смотрел на неё молча, а потом заговорил, и в его голосе была теплота, которую он не прятал. «Я буду отцом, — сказал он. — И защитником. И мостом. Всем сразу». Мира посмотрела на него, и в её груди росло что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. «Ты справишься, — сказала она. — Я знаю. Ты уже справляешься. Каждый день. Каждую ночь. Каждое мгновение».

Старейшина подошёл к ним, опираясь на посох из кривого дуба. Его лицо было изрезано морщинами, как кора старого дерева, но глаза были живыми и ясными. «У нас в роду есть обычай, — сказал он тихо. — Когда дитя рождается, ему дают имя на седьмой день, когда оно впервые улыбнётся». Мира посмотрела на него и кивнула, потому что чувствовала, что этот обычай правильный. «А до тех пор, — продолжил старейшина, — мы будем звать её Заря. Потому что она — новая. Потому что она — наша. Потому что она — свет».

Яромир подошёл и встал рядом, и в его глазах было что-то, от чего её сердце наполнилось теплом. «Я рад за вас, — сказал он. — За всех. За мир». Мира улыбнулась и ответила, что рада не она, а все они вместе. Злата подошла следом и обняла её крепко, и в этом объятии было столько тепла, что Мира не сразу смогла заговорить. «Я испеку тебе пирог с мёдом и маком, — сказала Злата. — Так делала моя мать, и так буду делать я».

Радомир подошёл и посмотрел на брата, и в его глазах было что-то, что говорило о прощении. «Я рад, — сказал он

тихо. — За тебя. За неё. За всех». Вельмир сжал его плечо и ответил, что рад не он, а все они вместе. Верховная подошла и встала рядом, и в этом стоянии было что-то, что говорило о принятии. «Я рада, — сказала она. — За вас. За всех. За мир». Мать Вельмира подошла медленно и остановилась рядом, и в её глазах были слёзы. «Я рада, — сказала она. — За вас. За всех. За мир».

Ярополк подошёл и встал рядом, и в его глазах было что-то, что говорило о мире. «Я рад, — сказал он. — За вас. За всех. За мир». Ратмир и Лада подошли следом и встали рядом, и в их глазах было что-то, что говорило о надежде. «Я рада, — сказала Лада. — За вас. За всех. За мир». Дети подбежали и окружили Миру, и в их глазах было что-то, что говорило о будущем. Они смеялись и кричали, и в этом шуме было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью.

Мира смотрела на них, на всех, на своих, и слёзы потекли по её щекам. Она не вытирала их, потому что это были слёзы радости, а не горя. «Тогда празднуем, — сказала она, и голос её дрогнул. — Все. Вместе. Как мост». Вечером они сидели у костра, и это был тот же костёр, что и всегда. Но теперь вокруг него собрались все, и в этом единстве было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. Огонь трещал, звёзды горели, деревня спала, будущая.

Мира сидела у дерева, когда все уснули, и оберег на груди был тёплым и ровным. Дерево светилось в темноте, и его свет был мягким и живым, как дыхание спящего ребёнка.

Она положила ладонь на ствол и почувствовала, как оно дышит вместе с ней. «Ты сделала это, — прошептал голос в её голове, женский и древний. — Ты дала им имя, и они приняли его». Мира улыбнулась и ответила, что дала не она, а все они вместе, и что это только начало.

Она вернулась к костру, и Вельмир стоял рядом, всегда рядом, и в этом присутствии было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. «Идём?» — спросил он, и голос его был тихим, почти шёпотом. «Идём», — сказала Мира, и голос её был твёрдым. Они пошли в дом, тёплый и сухой, и в этом доме было что-то, от чего её тело расслабилось, а мысли успокоились. Вельмир обнял её крепко и нежно, и она прижалась к нему, чувствуя его тепло, его силу, его жизнь.

«Ты знаешь, что я люблю тебя», — прошептал он в темноту. «Знаю, — прошептала Мира. — Я тоже». Он поцеловал её нежно и долго, и в этом поцелуе было что-то, от чего её сердце затопило тепло. «Спи, — сказал он. — Я посторожу». Мира закрыла глаза, оберег на груди был тёплым и ровным. Вельмир рядом, всегда рядом, и в этом присутствии было что-то, от чего её губы тронула счастливая улыбка.

А над деревней занимался рассвет, не пепельный, а новый. Сотканный из голубого и золотого света, который ложился на воду и мостки, как обещание, как надежда, как сама жизнь. И в этом свете было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. Она знала, что впереди будет

много испытаний. Знала, что враг идёт с востока и что скоро придётся оставить дом. Но она также знала, что она не одна. И этого было достаточно.

А за много вёрст к востоку, там, где степь сходится с небом, по дороге шло войско. Впереди ехал человек в сером плаще, и его глаза горели зелёным огнём. Он остановился на холме и посмотрел на запад, туда, где садилось солнце. «Скоро, — прошептал он. — Скоро мы встретимся, мост».

Мира собирает всех у дерева и объявляет, что её дочь Заря станет новым мостом. Старейшина напоминает об обычае давать имя на седьмой день. Вельмир клянётся быть отцом и защитником. Люди радуются и благодарят. Мира чувствует, что мост растёт, а далеко на востоке мальчик продолжает свой путь к ней.

Она будет мостом

«Выбор — это не развилка. Это признание: назад дороги нет, и ты идёшь вперёд.»

Утро в Костном Броде началось с тишины, но не мёртвой и не пустой. Это была тишина после долгой бури, когда мир замирает, чтобы выдохнуть и понять, что он жив. Мира проснулась первой, как всегда, и первое, что она почувствовала, было не тепло мха под спиной. Внутри неё что-то двигалось, маленькое и тёплое, как будто Заря приветствовала её, тянулась к свету и улыбалась. Мира лежала неподвижно и прислушивалась к этому чувству, и оберег на груди пульсировал ровно и мягко, наполняя её тело тихим светом.

Вельмир спал рядом, и его рука покоилась на её животе, тяжёлая и тёплая. В этом прикосновении было столько спокойствия, что Мира не сразу решилась пошевелиться. Она смотрела на его лицо, на резкие скулы, на шрам, который тянулся от виска к подбородку белой нитью памяти. На губы, которые во сне чуть улыбались, и в этом взгляде было что-то, от чего её грудь наполнилась нежностью, тёплой и щемящей. Она положила свою руку поверх его руки и почувствовала, как под кожей что-то шевельнулось в ответ.

Вельмир проснулся, как будто почувствовал её прикосновение даже сквозь сон. Он повернулся к ней и посмотрел на неё, и в его тёмных глазах было что-то, от чего у неё перехватило дыхание. «Ты уже не спишь, — сказал он тихо, и в его голосе была та хрипотца, которая появлялась у него только по утрам. — Смотрю на тебя и не могу наглядеться». Мира улыбнулась, и в этой улыбке было что-то, от чего его глаза засветились теплом, мягким и глубоким. «Я тоже, — сказала она. — Каждое утро. И каждый вечер. И каждый миг между ними».

Он повернул её к себе и посмотрел в глаза, и в его взгляде было что-то, от чего её сердце затопило тепло. «Ты знаешь, что я люблю тебя, — сказал он, и это был не вопрос. — Но я хочу говорить это каждый день. Чтобы ты слышала. Чтобы помнила. Чтобы никогда не сомневалась». Мира коснулась его губ своими, легко и нежно, и в этом поцелуе было что-то, от чего по её телу разлилось тепло. «Я знаю, — сказала она.

— Я чувствую. Каждой клеткой. Каждой косточкой. Каждой частицей».

Он обнял её крепче и прижал к себе, и она почувствовала, как его сердце бьётся ровно и глубоко. В этом ритме было что-то, от чего её дыхание стало спокойным и глубоким. Они лежали так долго, пока солнце не поднялось выше и пока деревня не начала просыпаться. Голоса людей становились громче, и в этом утре было что-то, от чего её душа наполнялась тихой радостью.

К полудню Мира собрала всех у дерева, и это был не урок и не ритуал. Она хотела научить их тому, что знала сама, тому, что росло в ней вместе с Зарей. Люди пришли сами, много, все, кто был в деревне. Яромир и Злата, Ратмир и Лада, Радомир и Верховная, Ярополк и старейшина, мальчик и все остальные. В этом единстве было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью.

Мира встала на камень у корней дерева и посмотрела на них, и в этом взгляде было что-то, от чего люди замолчали. «Сегодня новое, — сказала она, и голос её был твёрдым. — Не только дыхание. Не только память. Сегодня обучение. Сегодня Заря. Сегодня наша дочь». Она подняла руку, и оберег на груди вспыхнул, тепло, и в этом тепле было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью.

«Она будет мостом, — сказала Мира. — Как я. Как Вельмир. Как все. Она будет чувствовать всё. Каждого. Она будет соединять всё. Пепел и воду. Огонь и землю. Жизнь и

смерть. Всё». Люди смотрели на неё, и в их глазах было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. Они улыбались, они плакали, они смеялись, они жили, и в этом единстве было что-то, от чего её сердце наполнялось теплом.

Вельмир подошёл и встал рядом, и в этом стоянии было что-то, от чего Мира почувствовала себя не просто живой, а нужной. Он смотрел на неё молча, а потом заговорил, и в его голосе была теплота, которую он не прятал. «Я буду отцом, — сказал он. — И защитником. И мостом. Всем сразу». Мира посмотрела на него, и в её груди росло что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. «Ты справишься, — сказала она. — Я знаю. Ты уже справляешься. Каждый день. Каждую ночь. Каждое мгновение».

Старейшина подошёл к ним, опираясь на посох из кривого дуба. Его лицо было изрезано морщинами, как кора старого дерева, но глаза были живыми и ясными. «У нас в роду есть обычай, — сказал он тихо. — Когда дитя рождается, ему дают имя на седьмой день, когда оно впервые улыбнётся». Мира посмотрела на него и кивнула, потому что чувствовала, что этот обычай правильный. «А до тех пор, — продолжил старейшина, — мы будем звать её Заря. Потому что она — новая. Потому что она — наша. Потому что она — свет».

Яромир подошёл и встал рядом, и в его глазах было что-то, от чего её сердце наполнилось теплом. «Я рад за вас, — сказал он. — За всех. За мир». Мира улыбнулась и ответила, что рада не она, а все они вместе. Злата подошла следом и

обняла её крепко, и в этом объятии было столько тепла, что Мира не сразу смогла заговорить. «Я испеку тебе пирог с мёдом и маком, — сказала Злата. — Так делала моя мать, и так буду делать я».

Радомир подошёл и посмотрел на брата, и в его глазах было что-то, что говорило о прощении. «Я рад, — сказал он тихо. — За тебя. За неё. За всех». Вельмир сжал его плечо и ответил, что рад не он, а все они вместе. Верховная подошла и встала рядом, и в этом стоянии было что-то, что говорило о принятии. «Я рада, — сказала она. — За вас. За всех. За мир». Мать Вельмира подошла медленно и остановилась рядом, и в её глазах были слёзы. «Я рада, — сказала она. — За вас. За всех. За мир».

Ярополк подошёл и встал рядом, и в его глазах было что-то, что говорило о мире. «Я рад, — сказал он. — За вас. За всех. За мир». Ратмир и Лада подошли следом и встали рядом, и в их глазах было что-то, что говорило о надежде. «Я рада, — сказала Лада. — За вас. За всех. За мир». Дети подбежали и окружили Миру, и в их глазах было что-то, что говорило о будущем. Они смеялись и кричали, и в этом шуме было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью.

Мира смотрела на них, на всех, на своих, и слёзы потекли по её щекам. Она не вытирала их, потому что это были слёзы радости, а не горя. «Тогда празднуем, — сказала она, и голос её дрогнул. — Все. Вместе. Как мост». Вечером они сидели у костра, и это был тот же костёр, что и всегда. Но теперь

вокруг него собрались все, и в этом единстве было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. Огонь трещал, звёзды горели, деревня спала, будущая.

Мира сидела у дерева, когда все уснули, и оберег на груди был тёплым и ровным. Дерево светилось в темноте, и его свет был мягким и живым, как дыхание спящего ребёнка. Она положила ладонь на ствол и почувствовала, как оно дышит вместе с ней. «Ты сделала это, — прошептал голос в её голове, женский и древний. — Ты дала им имя, и они приняли его». Мира улыбнулась и ответила, что дала не она, а все они вместе, и что это только начало.

Она вернулась к костру, и Вельмир стоял рядом, всегда рядом, и в этом присутствии было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. «Идём?» — спросил он, и голос его был тихим, почти шёпотом. «Идём», — сказала Мира, и голос её был твёрдым. Они пошли в дом, тёплый и сухой, и в этом доме было что-то, от чего её тело расслабилось, а мысли успокоились. Вельмир обнял её крепко и нежно, и она прижалась к нему, чувствуя его тепло, его силу, его жизнь.

«Ты знаешь, что я люблю тебя», — прошептал он в темноту. «Знаю, — прошептала Мира. — Я тоже». Он поцеловал её нежно и долго, и в этом поцелуе было что-то, от чего её сердце затопило тепло. «Спи, — сказал он. — Я посторожу». Мира закрыла глаза, оберег на груди был тёплым и ровным. Вельмир рядом, всегда рядом, и в этом присутствии

было что-то, от чего её губы тронула счастливая улыбка.

А над деревней занимался рассвет, не пепельный, а новый. Сотканный из голубого и золотого света, который ложился на воду и мостки, как обещание, как надежда, как сама жизнь. И в этом свете было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. Она знала, что впереди будет много испытаний. Знала, что враг идёт с востока и что скоро придётся оставить дом. Но она также знала, что она не одна. И этого было достаточно.

А за много вёрст к востоку, там, где степь сходится с небом, по дороге шло войско. Впереди ехал человек в сером плаще, и его глаза горели зелёным огнём. Он остановился на холме и посмотрел на запад, туда, где садилось солнце. «Скоро, — прошептал он. — Скоро мы встретимся, мост».

Мира стоит перед двумя путями: тихим и безопасным или трудным и живым. Она выбирает второй. Вельмир и все остальные поддерживают её. Они дышат вместе, и дерево отвечает светом. Мира понимает: жизнь — это движение, а не покой. А далеко на востоке мальчик идёт к ней.

Новый враг

«Иногда враг — это просто человек, который ещё не знает, что он не враг.»

Ночь легла на Костный Брод густо и тяжело, как смола на дно лодки. Мира лежала на тюфяке из сухого мха, но сон не шёл к ней. Что-то происходило внутри, что-то важное, что-то, что она ждала, сама не зная того. Вельмир спал рядом,

и его рука покоилась на её животе, тяжёлая и тёплая. Оберег на груди пульсировал иначе — быстрее и тревожнее, как пойманная в силоч птица. Как будто предупреждал о чём-то, что должно случиться.

Она закрыла глаза и потянулась к этому чувству. Не магией, не силой, а собой, своим теплом, своей жизнью, своей любовью. Она чувствовала нити, тонкие и золотые, которые шли от неё ко всему. К Вельмиру, к мальчику, к дереву, к деревне, к миру. И в этих нитях была жизнь, была сила, была надежда. Но что-то было не так, что-то, что она не могла назвать, но что уже жило в ней, росло и крепло.

Это был страх. Не её страх, а чужой, тот, который шёл из глубины, из земли, из памяти. Тот, который жил в каждом человеке, в каждом мосте, в каждом мире. Это был страх перемен, страх неизвестности, страх того, что что-то может пойти не так. И этот страх был настолько сильным, что Мира почувствовала, как её собственное сердце сжалось. Как её собственное дыхание перехватило, как её собственные руки задрожали.

Вельмир проснулся, как будто почувствовал что-то сквозь сон. Он повернулся к ней и посмотрел на неё, и в его тёмных глазах было что-то, от чего её сердце затрепетало. «Ты чувствуешь?» — спросил он, и голос его был тихим, почти шёпотом. «Чувствую, — сказала Мира, и голос её был честным. — Что-то идёт. Ближе. Очень». Он сел медленно и посмотрел на неё, и в его глазах было что-то, от чего её серд-

це наполнилось холодной тревогой. «Кто?» — спросил он, и голос его дрогнул. «Не знаю, — сказала Мира. — Но что-то. Тёмное. Давнее. Сильное».

Они встали и оделись быстро, и вышли на мостки. Ночной воздух окутал их со всех сторон, прохладный, влажный, живой. Ярополк уже не спал, он стоял на мостках и смотрел в темноту, и в его глазах было что-то, что говорило о том, что он тоже чувствует. «Что?» — спросила Мира, и голос её был тихим, почти шёпотом. «Не знаю, — сказал Ярополк, и в его голосе была тяжесть. — Но что-то идёт. С севера. С тёмной стороны». Мира смотрела на него, и в её груди росло что-то, что было похоже на страх и решимость одновременно. «С тёмной стороны?» — переспросила она, и голос её дрогнул. «Да, — сказал Ярополк. — С той стороны, где живут те, кто не хочет перемен. Те, кто боится мостов. Те, кто убивает».

Вельмир подошёл и встал рядом, и в этом стоянии было что-то, от чего Мира почувствовала себя не просто живой, а нужной. Он смотрел на неё молча, а потом заговорил, и в его голосе была тяжесть, которую он не прятал. «Я чувствую, — сказал он. — Что-то. Знакомое. Что-то, что я знал. Давно. Очень». Мира посмотрела на него, и в её груди росло что-то, от чего её сердце наполнилось холодной решимостью. «Кто?» — спросила она, и голос её был твёрдым. Вельмир молчал долго, так долго, что Мира решила, что он не ответит. Но он ответил, и в его голосе была тяжесть, которую он не прятал. «Пепельный лорд, — сказал он. — Тот, кто был

изгнан. Тот, кто вернулся. Тот, кто хочет мести».

Мира смотрела на него, и в её груди росло что-то, что было похоже на страх и надежду одновременно. «Пепельный лорд?» — переспросила она, и голос её дрогнул. «Да, — сказал Вельмир. — Он был верховным жрецом. Давно. Очень. Он не хотел перемен. Он не хотел мостов. Он хотел войны. Он хотел смерти. Он хотел тьмы. И он вернулся. Чтобы забрать всё. Чтобы разрушить всё. Чтобы убить всех». Мира смотрела на него прямо и тепло, и в этом взгляде было что-то, от чего его лицо дрогнуло, едва-едва, почти незаметно. «Тогда встретим его, — сказала она, и голос её был твёрдым. — Вместе. Как мост. Как всегда».

Вельмир посмотрел на неё, и в его глазах было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. «Ты уверена?» — спросил он, и голос его дрогнул. «Уверена, — сказала Мира. — Я мост. Мост не бежит. Мост стоит. Всегда». Они пошли к дереву медленно, рука в руке, и в этом движении было что-то, от чего её тело наполнилось спокойствием. Дерево светилось ровно и живо, как жизнь, как надежда, как мост. Мира подошла и остановилась рядом, и в этом стоянии было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. Она положила ладонь на ствол и закрыла глаза, и дерево отозвалось ей теплом. «Он идёт, — сказала она тихо. — Я чувствую. Его. Тьму. Боль».

Вельмир смотрел на неё молча, а потом заговорил. «Что делать?» — спросил он, и голос его дрогнул. Мира смотре-

ла на дерево, на его листья, на его цветы, на его плоды, на его жизнь. И в этом взгляде было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. «Принять, — сказала она. — Не бороться. Не убегать. Принять. И соединить». Она опустилась на колени и коснулась земли ладонью. Потянулась к нему, не магией, не силой, а собой, своим теплом, своей жизнью, своей любовью. Она чувствовала его, тёмного, липкого, тяжёлого. Он шёл из глубины, из земли, из памяти. И в этом страхе была жизнь, была сила, была надежда.

«Дыши, — прошептала она, и голос её был тихим, почти шёпотом. — Со мной. Вдох вода. Выдох огонь». Вельмир опустился рядом, на колени, в землю, не боялся, не мог. И дышал с ней, медленно и ровно. И в этом дыхании было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. Он чувствовал её нити, тонкие и золотые, которые шли от неё к нему. И в этих нитях была жизнь, была сила, была надежда.

Тьма начала отступать, медленно и неохотно, но отступать. Как будто она поняла, как будто она приняла, как будто она отпустила. Земля дрогнула, и по поверхности пошли круги, ровные, как дыхание, как пульс, как жизнь. И в этих кругах появились тени, не страшные, не тёмные, просто образы. Люди, дома, деревья, птицы, всё, что было, всё, что живёт, всё, что будет. «Получилось, — прошептала Мира, и голос её дрогнул. — Получилось, — сказал Вельмир, и в его голосе была теплота, которую он не прятал».

Мира встала и посмотрела на него, прямо и тепло. «Ты

чувствуешь?» — спросила она. «Чувствую, — сказал Вельмир. — Легче. Свободнее. Живее». «Это он, — сказала Мира. — Он ушёл. Не весь. Но ушёл. Потому что мы приняли. Потому что мы отпустили. Потому что мы вместе». Вельмир смотрел на неё молча и долго, и в его глазах было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. «Тогда идём, — сказал он. — Домой». Идём, сказала Мира.

Они пошли в дом, тёплый и сухой, и в этом доме было что-то, от чего её тело расслабилось, а мысли успокоились. Вельмир обнял её крепко и нежно, и она прижалась к нему. Чувствуя его тепло, его силу, его жизнь, и в этом объятии было что-то, от чего её дыхание стало ровным и глубоким. «Ты знаешь, что я люблю тебя», — прошептал он в темноту. «Знаю, — прошептала Мира. — Я тоже». Он поцеловал её нежно и долго, и в этом поцелуе было что-то, от чего её сердце затопило тепло. «Спи, — сказал он. — Я посторожу». Мира закрыла глаза, оберег на груди был тёплым и ровным. Вельмир рядом, всегда рядом, и в этом присутствии было что-то, от чего её губы тронула счастливая улыбка.

А над деревней занимался рассвет, не пепельный, а новый. Сотканный из голубого и золотого света, который ложился на воду и мостки, как обещание, как надежда, как сама жизнь. А за много вёрст к северу, там, где пепел сходится с небом, по дороге шёл человек. Его лицо было суровым, а руки помнили кровь. Он остановился на холме и посмотрел на юг, туда, где ждал его брат. «Скоро, — прошептал он. —

Скоро мы встретимся, князь».

Мира чувствует новую угрозу с севера, но вместо боя принимает её. Пепельный лорд приходит не с мечом, а с желанием учиться. Он дышит вместе со всеми и остаётся, став частью моста. Мост растёт, и даже бывший враг находит место рядом.

Совет

«Совет — это не разговор. Это решение, принятое вместе.»

Утро встретило Костный Брод туманом, густым и влажным, как дыхание древнего существа. Это существо спало под болотом и видело сны о временах, когда мир был ещё молод. Мира проснулась первой и ощутила не тепло мха под спиной, а лёгкое движение внутри. Тёплое и живое, как будто Заря приветствовала её и тянулась к свету. Оберег на груди пульсировал ровно и мягко, наполняя её тело тихим светом, который разливался по венам, как весенняя вода по иссохшему руслу.

Вельмир спал рядом, и его рука покоилась на её животе, тяжёлая и тёплая. В этом прикосновении было столько спокойствия, что Мира не сразу решилась пошевелиться. Она смотрела на его лицо, на резкие скулы, на шрам, который тянулся от виска к подбородку белой нитью памяти. На губы, которые во сне чуть улыбались, и в этом взгляде было что-то, от чего её грудь наполнялась нежностью. Она положила свою руку поверх его руки, и в этом простом движении было

что-то, от чего по её телу разлилось тепло, а дыхание стало глубже и ровнее.

Вельмир проснулся, как будто почувствовал её прикосновение даже сквозь сон. Он повернулся к ней, и в его тёмных глазах было что-то, от чего у неё перехватило дыхание. «Ты уже не спишь, — сказал он тихо, и в его голосе была та хрипотца, которая появлялась у него только по утрам. — Смотрю на тебя и не могу наглядеться». Мира улыбнулась, и в этой улыбке было что-то, от чего его глаза засветились теплом, мягким и глубоким. «Я тоже, — сказала она. — Каждое утро. И каждый вечер. И каждый миг между ними».

Он повернул её к себе и посмотрел в глаза, и в его взгляде было что-то, от чего её сердце затопило тепло. «Ты знаешь, что я люблю тебя, — сказал он, и это был не вопрос. — Но я хочу говорить это каждый день. Чтобы ты слышала. Чтобы помнила. Чтобы никогда не сомневалась». Мира коснулась его губ своими, легко и нежно, и в этом поцелуе было что-то, от чего по её телу разлилось тепло. «Я знаю, — сказала она. — Я чувствую. Каждой клеткой. Каждой косточкой. Каждой частицей».

Он обнял её крепче и прижал к себе, и она почувствовала, как его сердце бьётся ровно и глубоко. В этом ритме было что-то, от чего её дыхание стало спокойным и глубоким. Они лежали так долго, пока солнце не поднялось выше и пока деревня не начала просыпаться. Голоса людей становились громче, и в этом утре было что-то, от чего её душа наполня-

лась тихой радостью.

К полудню Мира собрала всех у дерева, и это был не урок и не ритуал. Она хотела поговорить о том, что ждёт их впереди, потому что чувствовала, что время пришло. Люди пришли сами, много, все, кто был в деревне. Яромир и Злата, Ратмир и Лада, Радомир и Верховная, Ярополк и старейшина, мальчик и все остальные. В этом единстве было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью.

Мира встала на камень у корней дерева и посмотрела на них, и в этом взгляде было что-то, от чего люди замолчали. «Пепельный лорд идёт, — сказала она, и голос её был твёрдым, но в нём была теплота. — Он хочет мести. Он хочет войны. Он хочет тьмы. Он не хочет мостов. Он не хочет перемен. Он не хочет жизни». Тишина повисла в воздухе, густая и тяжёлая, но не враждебная, а ждущая.

«Что делать?» — спросил Яромир, и голос его был тихим, почти шёпотом. Мира смотрела на него, потом на всех, и в этом взгляде было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. «Соединить, — сказала она. — Не бороться. Не убегать. Соединить. Даже его. Даже тьму. Даже страх. Всё».

Вельмир подошёл и встал рядом, и в этом стоянии было что-то, от чего Мира почувствовала себя не просто живой, а нужной. Он смотрел на неё молча, а потом заговорил, и в его голосе была теплота, которую он не прятал. «Я буду защищать, — сказал он. — И её. И Зарю. И всех. До конца».

Мира посмотрела на него, и в её груди росло что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. «Мы вместе, — сказала она. — Всегда. Как мост. Как жизнь. Как всё».

Ярополк подошёл и встал рядом, и в его глазах было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. «Я с вами, — сказал он. — До конца. Как мост. Как все». Старик подошёл медленно и тяжело, но не так, как вчера. Не с опущенными глазами, а с чем-то новым, с чем-то, что было похоже на надежду. «И я, — сказал он. — До конца. Как мост. Как все».

Радомир подошёл и посмотрел на брата, и в его глазах было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. «И я, — сказал он. — До конца. Как мост. Как все». Верховная подошла и встала рядом, и в этом стоянии было что-то, от чего Мира почувствовала себя не просто живой, а нужной. «И я, — сказала она. — До конца. Как мост. Как все». Мать подошла медленно, она не пряталась больше и не боялась, просто шла к сыну, к Мире, к дереву, к жизни. «И я, — сказала она. — До конца. Как мост. Как все».

Мальчик подбежал и обнял за ногу, крепко и сильно, и в этом объятии было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. «И я, — сказал он. — До конца. Как мост. Как все». Мира смотрела на них, на всех, на своих, и слёзы, горячие и тихие, потекли по её щекам. Она не вытирала их, не могла, не хотела. «Тогда идём, — сказала она, и голос её дрогнул. — Все. Вместе. Как мост».

Вечером они сидели у костра, Мира, Вельмир, Яромир, Злата, Радомир, Верховная, Мать, старейшина, мальчик спал на коленях Миры, Ярополк, старик, все рядом. В этом единстве было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. Огонь трещал, звёзды горели, деревня спала, будущая. Мира сидела у дерева, одна, оберег на груди был тёплым и ровным. Она смотрела на дерево, на его листья, на его цветы, на его плоды, на его жизнь. И чувствовала, как оно дышит, как оно растёт, как оно живёт, с ней, со всеми, со всем.

«Ты сделала это, — прошептал голос в её голове, тот самый, женский и древний. — Ещё один мост. Ещё одно чудо. Ещё одна жизнь. Ещё один совет». Голос стих, вода вспыхнула, золото, тёплое, и погасло. И Мира вернулась к костру, и Вельмир стоял рядом, всегда рядом. И в этом присутствии было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. «Идём?» — спросил он, и голос его был тихим, почти шёпотом. «Идём», — сказала Мира, и голос её был твёрдым.

Они пошли в дом, тёплый и сухой, и в этом доме было что-то, от чего её тело расслабилось, а мысли успокоились. Вельмир обнял её крепко и нежно, и она прижалась к нему, чувствуя его тепло, его силу, его жизнь. И в этом объятии было что-то, от чего её дыхание стало ровным и глубоким. «Ты знаешь, что я люблю тебя», — прошептал он в темноту. «Знаю, — прошептала Мира. — Я тоже». Он поцеловал её нежно и долго, и в этом поцелуе было что-то, от чего её сердце затопило тепло. «Спи, — сказал он. — Я посторожу».

Мира закрыла глаза, оберег на груди был тёплым и ровным. Вельмир рядом, всегда рядом, и в этом присутствии было что-то, от чего её губы тронула счастливая улыбка. А над деревней занимался рассвет, не пепельный, а новый. Сотканный из голубого и золотого света, который ложился на воду и мостки, как обещание, как надежда, как сама жизнь. И в этом свете было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. Она знала, что впереди будет много испытаний. Знала, что враг идёт с востока и что скоро придётся оставить дом. Но она также знала, что она не одна. И этого было достаточно.

А за много вёрст к востоку, там, где степь сходится с небом, по дороге шло войско. Впереди ехал человек в сером плаще, и его глаза горели зелёным огнём. Он остановился на холме и посмотрел на запад, туда, где садилось солнце. «Скоро, — прошептал он. — Скоро мы встретимся, мост».

Мира собирает всех у дерева и говорит, что Пепельный лорд идёт с войском. Она предлагает встретить его вместе. Вельмир, Яромир, Злата, Радомир, Верховная, Мать, Ярополк и мальчик поддерживают её. Они готовы защищать мост. А на востоке войско уже в пути.

Эпилог: Пепельный лорд

«Прошное отпускает не тогда, когда ты его прощаешь, а когда оно само отпускает тебя.»

Ночь опустилась на Костный Брод медленно и тяжело, как будто само небо не хотело отпускать день. Мира лежала на

тюфяке из сухого мха в доме, который стал ей домом. Рядом был Вельмир, который спал глубоко и крепко, и его рука покоилась на её животе. Тяжёлая и тёплая, она была как якорь, который держал её в этом мире. Оберег на груди пульсировал быстрее обычного, тревожно и неровно, как пойманная птица. Как будто предупреждал о чём-то, что должно случиться.

Она закрыла глаза и потянулась к этому чувству. Не магией, не силой, а собой, своим теплом, своей жизнью, своей любовью. Она чувствовала нити, тонкие и золотые, которые шли от неё ко всему. К Вельмиру, к мальчику, к дереву, к деревне, к миру. И в этих нитях была жизнь, была сила, была надежда. Но что-то было не так, что-то, что она не могла назвать, но что уже жило в ней, росло и крепло.

Это был он. Пепельный лорд. Тот, кто был изгнан. Тот, кто вернулся. Тот, кто хотел мести. Тот, кто хотел войны. Тот, кто хотел тьмы. И этот страх был настолько сильным, что Мира почувствовала, как её собственное сердце сжалось. Как её собственное дыхание перехватило, как её собственные руки задрожали.

Вельмир проснулся, как будто почувствовал что-то сквозь сон. Он повернулся к ней и посмотрел на неё, и в его тёмных глазах было что-то, от чего её сердце затрепетало. «Ты чувствуешь?» — спросил он, и голос его был тихим, почти шёпотом. «Чувствую, — сказала Мира, и голос её был честным. — Его. Пепельного лорда. Он близко. Очень». Он сел мед-

ленно и посмотрел на неё, и в его глазах было что-то, от чего её сердце наполнилось холодной тревогой. «Где?» — спросил он, и голос его дрогнул. «Не знаю, — сказала Мира. — Но что-то. Тёмное. Давнее. Сильное».

Они встали и оделись быстро, и вышли на мостки. Ночной воздух окутал их со всех сторон, прохладный, влажный, живой. Ярополк уже не спал, он стоял на мостках и смотрел в темноту, и в его глазах было что-то, что говорило о том, что он тоже чувствует. «Что?» — спросила Мира, и голос её был тихим, почти шёпотом. «Не знаю, — сказал Ярополк, и в его голосе была тяжесть. — Но что-то идёт. С севера. С тёмной стороны». Мира смотрела на него, и в её груди росло что-то, что было похоже на страх и решимость одновременно. «С тёмной стороны?» — переспросила она, и голос её дрогнул. «Да, — сказал Ярополк. — С той стороны, где живут те, кто не хочет перемен. Те, кто боится мостов. Те, кто убивает».

Вельмир подошёл и встал рядом, и в этом стоянии было что-то, от чего Мира почувствовала себя не просто живой, а нужной. Он смотрел на неё молча, а потом заговорил, и в его голосе была тяжесть, которую он не прятал. «Я чувствую, — сказал он. — Что-то. Знакомое. Что-то, что я знал. Давно. Очень». Мира посмотрела на него, и в её груди росло что-то, от чего её сердце наполнилось холодной решимостью. «Кто?» — спросила она, и голос её был твёрдым. Вельмир молчал долго, так долго, что Мира решила, что он не ответит. Но он ответил, и в его голосе была тяжесть, которую

он не прятал. «Пепельный лорд, — сказал он. — Тот, кто был изгнан. Тот, кто вернулся. Тот, кто хочет мести».

Мира смотрела на него, и в её груди росло что-то, что было похоже на страх и надежду одновременно. «Пепельный лорд?» — переспросила она, и голос её дрогнул. «Да, — сказал Вельмир. — Он был верховным жрецом. Давно. Очень. Он не хотел перемен. Он не хотел мостов. Он хотел войны. Он хотел смерти. Он хотел тьмы. И он вернулся. Чтобы забрать всё. Чтобы разрушить всё. Чтобы убить всех». Мира смотрела на него прямо и тепло, и в этом взгляде было что-то, от чего его лицо дрогнуло, едва-едва, почти незаметно. «Тогда встретим его, — сказала она, и голос её был твёрдым. — Вместе. Как мост. Как всегда».

Вельмир посмотрел на неё, и в его глазах было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. «Ты уверена?» — спросил он, и голос его дрогнул. «Уверена, — сказала Мира. — Я мост. Мост не бежит. Мост стоит. Всегда». Они пошли к дереву медленно, рука в руке, и в этом движении было что-то, от чего её тело наполнилось спокойствием. Дерево светилось ровно и живо, как жизнь, как надежда, как мост. Мира подошла и остановилась рядом, и в этом стоянии было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. Она положила ладонь на ствол и закрыла глаза, и дерево отозвалось ей теплом. «Он идёт, — сказала она тихо. — Я чувствую. Его. Тьму. Боль».

Вельмир смотрел на неё молча, а потом заговорил. «Что

делать?» — спросил он, и голос его дрогнул. Мира смотрела на дерево, на его листья, на его цветы, на его плоды, на его жизнь. И в этом взгляде было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. «Принять, — сказала она. — Не бороться. Не убегать. Принять. И соединить». Она опустилась на колени и коснулась земли ладонью. Потянулась к нему, не магией, не силой, а собой, своим теплом, своей жизнью, своей любовью. Она чувствовала его, тёмного, липкого, тяжёлого. Он шёл из глубины, из земли, из памяти. И в этом страхе была жизнь, была сила, была надежда.

«Дыши, — прошептала она, и голос её был тихим, почти шёпотом. — Со мной. Вдох вода. Выдох огонь». Вельмир опустился рядом, на колени, в землю, не боялся, не мог. И дышал с ней, медленно и ровно. И в этом дыхании было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. Он чувствовал её нити, тонкие и золотые, которые шли от неё к нему. И в этих нитях была жизнь, была сила, была надежда.

Тьма начала отступать, медленно и неохотно, но отступать. Как будто она поняла, как будто она приняла, как будто она отпустила. Земля дрогнула, и по поверхности пошли круги, ровные, как дыхание, как пульс, как жизнь. И в этих кругах появились тени, не страшные, не тёмные, просто образы. Люди, дома, деревья, птицы, всё, что было, всё, что живёт, всё, что будет. «Получилось, — прошептала Мира, и голос её дрогнул. — Получилось, — сказал Вельмир, и в его голосе была теплота, которую он не прятал».

Мира встала и посмотрела на него, прямо и тепло. «Ты чувствуешь?» — спросила она. «Чувствую, — сказал Вельмир. — Легче. Свободнее. Живее». «Это он, — сказала Мира. — Он ушёл. Не весь. Но ушёл. Потому что мы приняли. Потому что мы отпустили. Потому что мы вместе». Вельмир смотрел на неё молча и долго, и в его глазах было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. «Тогда идём, — сказал он. — Домой». Идём, сказала Мира.

Они пошли в дом, тёплый и сухой, и в этом доме было что-то, от чего её тело расслабилось, а мысли успокоились. Вельмир обнял её крепко и нежно, и она прижалась к нему. Чувствуя его тепло, его силу, его жизнь, и в этом объятии было что-то, от чего её дыхание стало ровным и глубоким. «Ты знаешь, что я люблю тебя», — прошептал он в темноту. «Знаю, — прошептала Мира. — Я тоже». Он поцеловал её нежно и долго, и в этом поцелуе было что-то, от чего её сердце затопило тепло. «Спи, — сказал он. — Я посторожу». Мира закрыла глаза, оберег на груди был тёплым и ровным. Вельмир рядом, всегда рядом, и в этом присутствии было что-то, от чего её губы тронула счастливая улыбка.

А над деревней занимался рассвет, не пепельный, а новый. Сотканный из голубого и золотого света, который ложился на воду и мостки, как обещание, как надежда, как сама жизнь. А за много вёрст к северу, там, где пепел сходится с небом, в тёмной пещере сидел человек. Его лицо было суровым, а руки помнили кровь. Он открыл глаза, и в них го-

рел зелёный огонь. В этом огне была ненависть, была месть, была война. Он знал, что она идёт, и он ждал её. Он готовился, и он улыбался, потому что думал, что победит.

Пепельный лорд приходит в Костный Брод и остаётся, приняв дыхание и прощение. Вельмир мирится с учителем. Но на севере, в тёмной пещере, уже ждёт новый враг, который знает о мосте. Мост становится крепче, но испытания не закончились.

Глава 4: «Война и мир»

Первая битва

«Мост не воюет. Он держит. И в этом его оружие.»

Рассвет над Костным Бродом занимался медленно и неохотно. Небо наливалось багровым, как кровь на снегу, и в этом свете было что-то, что заставило Миру проснуться раньше обычного. Она лежала неподвижно и слушала, как оберег на груди пульсирует быстро и тревожно. Как второе сердце, которое чувствовало то, чего не хотело чувствовать. Вельмир спал рядом, и его рука тяжело лежала на её животе. Она не стала будить его и вышла на мостки.

Туман поднимался от чёрной воды густыми клубами, и в этом тумане было что-то зловещее. Как будто само болото предупреждало о том, что должно случиться. Мира прислушалась и почувствовала нити, которые рвались где-то далеко на севере. Одна за другой, тихо и страшно, как будто кто-то гасил свечи в тёмной горнице. Она закрыла глаза и потянулась к этому чувству, и то, что она увидела, заставило её сердце сжаться.

Вельмир вышел на мостки, и его лицо было каменным, но глаза живыми. Он подошёл к ней и встал рядом, и в этом стоянии было что-то, что говорило о том, что он тоже чувствует. «Он идёт, — сказала Мира тихо. — Я чувствую его. Пепельного лорда. Он близко. Очень». «Знаю, — сказал Вель-

мир, и в его голосе была тяжесть. — Я тоже чувствую. Его тьму. Его ненависть. Его войну». Мира повернулась к нему и посмотрела в глаза. «Ты боишься?» — спросила она, и голос её был тихим, почти шёпотом. «Боюсь, — сказал он честно. — Не за себя. За тебя. За Зарю. За всех».

Мира коснулась его щеки ладонью и провела пальцами по щеке. В этом движении было столько нежности, что Вельмир закрыл глаза и выдохнул. «Я тоже боюсь, — сказала она. — Но я мост. Мост не боится. Мост стоит. Всегда». Вельмир открыл глаза, и в них было что-то, от чего её сердце затопило тепло. «Тогда идём, — сказал он. — Встретим его. Вместе». «Вместе», — сказала Мира.

Они собрали всех у дерева, и в этом сборе не было принуждения. Было только желание, только потребность, только жизнь. Яромир пришёл первым, с мечом наготове, и в его глазах было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. Злата пришла следом, с травами и снадобьями, и её янтарные глаза смотрели на мир с той мудростью, которая приходит только с опытом. Радомир пришёл, и в его движениях была воинская выправка, которая не исчезает даже после того, как человек меняет убеждения. Верховная пришла и встала рядом, и в этом стоянии было что-то, от чего Мира почувствовала себя не просто живой, а нужной.

Мать пришла медленно и остановилась в стороне, и в её глазах было что-то, от чего сердце Миры наполнилось состраданием. Пепельный лорд пришёл и встал рядом, и в его

глазах было что-то, от чего сердце Миры наполнилось тихой радостью. Ярополк пришёл и встал рядом, и в его глазах было что-то, от чего сердце Миры наполнилось тихой радостью. Мальчик подбежал и обнял за ногу, крепко и сильно, и в этом объятии было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью.

«Пепельный лорд идёт, — сказала Мира, и голос её был твёрдым. — Он хочет войны. Он хочет смерти. Он хочет тьмы. Мы встретим его. Вместе. Как мост. Как всегда». Они вышли навстречу врагу на рассвете, когда небо было багровым, как кровь, как огонь, как смерть. Мира шла первой, не потому что вела, а потому что чувствовала нити. Вельмир шёл рядом, на полшага позже, и его лицо было каменным, но руки не дрожали. Яромир шёл позади, Злата следом, Радомир замыкал, Верховная рядом с ним.

К полудню они увидели их. Толпу, чёрную и огромную, которая шла через степь не по тропе, а по земле. Как будто земля не смела держать их, как будто они были сильнее. Впереди шёл он. Высокий. Широкоплечий. С мечом длинным и изогнутым, который светился зелёным огнём. И в этом свете было что-то, что заставило Миру похолодеть. «Пепельный лорд, — сказала Злата, и голос её дрогнул. — Верховный жрец. Изгнанный. Вернувшийся. Он учил Вельмира. С детства».

Мира обернулась и посмотрела на Вельмира. Он стоял рядом, и лицо его было каменным, но руки дрожали. «Вель-

мир», — сказала Мира, и голос её был тихим, почти шёпотом. «Я знаю его, — сказал Вельмир, и голос его был ровным, но в этом ровном голосе была буря. — Он не плохой. Он верит. В то же, что я раньше. В избранность. В правду. В ненависть». «И что теперь?» — спросила Мира, и голос её дрогнул. «Теперь он убьёт меня, — сказал Вельмир, и он обнажил меч. — Или я его. Иначе никак».

Мира взяла его за руку, крепко и сильно, и в этом прикосновении было что-то, что заставило сердце Вельмира наполниться спокойствием. «Иначе есть, — сказала Мира, и голос её был твёрдым. — Всегда. Есть». Пепельный лорд остановился в двадцати шагах и посмотрел на деревню, на мостки, на Миру, на Вельмира. И в этом взгляде было что-то, что заставило Миру похолодеть. «Князь, — сказал он, и голос его был низким, ровным, без эмоций. — Ты предал нас. Ты предал мать. Ты предал кровь».

«Я не предавал, — сказал Вельмир, и голос его был твёрдым. — Я искал правду. Я нашёл её. И правда не в ненависти. Не в войне. Не в смерти». «Правда в чистоте, — сказал Пепельный лорд. — В огне. В пепле. В избранности. Ты знал это. Раньше. Пока она, — он кивнул на Миру, — не испортила тебя». «Она не портила, — сказал Вельмир, и он шагнул вперёд. — Она спасла. Меня. Тебя. Всех». Пепельный лорд рассмеялся страшно, и в этом смехе было что-то, что заставило Миру похолодеть. «Тогда умри спасённым, — сказал он. — Вместе с ней».

Он поднял меч, и толпа за его спиной заревела. Зелёный свет вспыхнул везде и во всём, и бой начался. Мира не помнила начала. Помнила крик, огонь, кровь. Люди бежали, дома горели. Яромир сражался рядом, и его меч был молнией. Злата держала купол и пела, защищая и исцеляя. Радомир сражался в тени, Верховная у воды, Мать с детьми. Вельмир был в центре, и его меч был молнией, а движения — смертью. А она стояла на мостках с берегом на груди и золотом под кожей. С мостом в сердце.

«Дышите! — закричала она, и голос её был громким и сильным. — Все! Со мной! Вдох вода! Выдох огонь!» Люди смотрели на неё, и в их глазах были страх, боль и надежда. И они дышали вместе с ней, и в этом дыхании было что-то, что заставило Миру почувствовать себя живой. Она почувствовала нити, тонкие и золотые, которые шли от неё ко всем. К деревне, к болоту, к земле, к небу. Она потянула, и золотой свет взорвался и разлился во все стороны. Не огонь, не вода, а соединение. И он защитил людей, остановил огонь, отбросил врагов. На мгновение, долгое, как удар сердца.

Потом свет погас, и Мира упала на колени, пустая и слабая. «Мирослава!» — Вельмир подбежал, схватил, поднял, и в его голосе был страх. «Получилось, — прошептала Мира. — Посмотри». Он обернулся, и пепельные воины лежали на земле. Спящие, живые, не мёртвые. Пепельный лорд стоял один, с мечом, целый и злой. «Ты, — прошептал он, и голос его дрожал. — Ты не пепельная. Ты не болотная. Ты ничто.

Ошибка. Порча».

Он шагнул вперёд, меч занесён, зелёный и злой. Мира не двинулась, не могла, слишком слабая. «Нет!» — Вельмир шагнул вперёд, между ними, меч наголо, глаза лёд. «Не тронь её». «Ты выбрал, — сказал Пепельный лорд. — Её. Предательство. Смерть». «Я выбрал жизнь, — сказал Вельмир. — Всё остальное твоё». Они столкнулись, и Мира видела бой сквозь боль, сквозь слабость, сквозь страх. Вельмир был быстрее и точнее. Пепельный лорд был сильнее и опытнее. Они били друг друга жестоко и молча, как будто не было ничего святого.

Мира смотрела и чувствовала нити, которые шли от Вельмира к Пепельному лорду. От врага к врагу. От брата к брату. «Вельмир! — закричала она, и голос её дрогнул. — Не убивай! Соедини!» Он услышал, замер, меч в дюйме от горла Пепельного лорда. Дрожал. «Соедини, — прошептала Мира. — Как я. Как мы. Пожалуйста». Вельмир закрыл глаза и выдохнул. Потом отпустил меч, и в этом жесте было что-то, что заставило сердце Миры наполниться тихой радостью. Пепельный лорд смотрел на него и не понимал. Не верил. Боялся.

«Ты, — прошептал он. — Ты не убил». «Нет, — сказал Вельмир. — Не убил. Потому что ты мой брат. По крови. По пеплу. По боли. Я не убью тебя». Он протянул руку, и в этом жесте было что-то, что заставило сердце Миры сжаться. «Иди с нами, — сказал он. — Не против. Рядом. Вместе».

Пепельный лорд смотрел на руку долго и молча. Потом посмотрел на Миру, на деревню, на спящих воинов. Живых, не мёртвых. «Я, — он запнулся, и голос его дрогнул. — Я не могу. Я не верю. Не тебе. Не ей. Не вам».

«Тогда не верь, — сказал Вельмир. — Просто живи. Рядом. Смотри. Думай. Выбирай. Сам». Пепельный лорд молчал, а потом опустил меч, и в этом жесте было что-то, что заставило сердце Миры наполниться спокойствием. «Я не с вами, — сказал он. — Но и не против. Пока. Не против». Он развернулся и ушёл в туман, в пепел, в себя. И в этом уходе было что-то, что заставило сердце Миры сжаться.

Бой кончился, и деревня выстояла. Раненая, но живая. Мира сидела на мостках, слабая и пустая, и Вельмир был рядом. Держал за руку и молчал. Яромир перевязывал раны себе и другим. Злата лечила, пела и жила. Радомир вернулся и молча сел в тени. Мать стояла у воды и смотрела на сына. Дети вышли из подвала, живые и целые. И мальчик подбежал к Мире и обнял её крепко. «Ты спасла нас, — сказал он. — Снова». «Мы спасли, — сказала Мира. — Все. Вместе».

Вельмир сжал её руку сильнее и теплее, и в этом жесте было что-то, что заставило сердце Миры наполниться тихой радостью. «Ты сделала это, — сказал он. — Не я. Не меч. Ты. Мост». «Мы сделали, — сказала Мира. — Ты и я. Мост и князь. Пепел и вода. Всё». Он посмотрел на неё, и в его тёмных глазах были звёзды, и в этих звёздах было что-то, от чего её сердце наполнилось тихой радостью. «Я люблю тебя»,

— сказал он. «Знаю, — сказала Мира. — Я тоже. Всегда».

Он поцеловал её нежно, и в этом поцелуе было что-то, что заставило сердце Мира наполниться спокойствием. А над деревней занимался рассвет, не пепельный, а новый. Сотканный из голубого и золотого света, который ложился на воду и мостки, как обещание, как надежда, как сама жизнь.

Пепельный лорд приходит с войском, чтобы уничтожить мост. Мира защищает людей золотым светом, а Вельмир отказывается убивать врага. Пепельный лорд отступает, не став победителем. Деревня выстояла. Мост выдержал первую битву.

Потери

«Смерть забирает тело, но не нить. Нить остаётся в тех, кто любит.»

Ночь после битвы опустилась на Костный Брод тяжело и медленно. Небо было чёрным, как дёготь, и в этой черноте не было ни одной звезды. Мира сидела на мостках и свесила ноги в чёрную воду. В этой воде отражались только её усталое лицо и отблески догорающих костров. Она не чувствовала ни радости победы, ни облегчения. Только пустоту, глубокую и тёмную, как колодец, из которого вычерпали всю воду. Вельмир сидел рядом и держал её за руку. Он молчал, и в этом молчании было что-то, что говорило о том, что он чувствует то же самое.

Яромир ходил по деревне и перевязывал раны. Себе, другим, всем, кто нуждался. Его руки были в крови, но лицо

оставалось спокойным, как у человека, который делает то, что делал всегда. Злата пела низко и протяжно, и в её песне была сила, была жизнь, была надежда. Эта песня наполняла сердце Миры спокойствием, которого не было в её собственной душе. Радомир сидел в тени у дерева и смотрел на спящих воинов. Живых, не мёртвых. И в его глазах было что-то, что говорило о том, что он думает о чём-то важном.

Верховная стояла у воды и смотрела на горизонт. В её взгляде было что-то, что говорило о том, что она видит то, чего не видят другие. Мать сидела у костра и смотрела на сына. Молча. И в этом молчании было что-то, от чего сердце Миры наполнялось состраданием. Но были и потери. Мира чувствовала их каждой клеткой своего тела, каждой косточкой, каждой частицей кожи. Она чувствовала нити, которые оборвались. Жизни, которые угасли. Души, которые ушли. И это было тяжелее любой битвы.

Она чувствовала старика из Горелого Лога. Того самого, который первым исцелился от хвори. Он умер от ран, полученных в бою. Он не успел, не смог, не выжил. Мира помнила его руки, розовые и тёплые, когда он впервые увидел их после исцеления. Помнила его слёзы радости и его слова благодарности. А теперь его руки были холодными и серыми. И в этом было что-то, что заставило её сердце сжаться.

Она чувствовала женщину из северного селения. Ту самую, которая умерла, защищая детей. Она закрыла их собой, когда пепельные воины ворвались в деревню. Она не успела,

не смогла, не выжила. Мира помнила её холодные глаза, которые оттаяли, когда она впервые задышала вместе со всеми. Помнила её улыбку, которая появилась на серых губах. А теперь её глаза были закрыты навсегда. И в этом было что-то, что заставило её сердце сжаться ещё сильнее.

Она чувствовала молодого воина из Костного Брода. Того самого, который вызвался идти с ними в бой. Он был совсем юным, с пухом на щеках и с мечом, который был ему велик. Он сражался храбро, но силы были неравны. Он не успел, не смог, не выжил. Мира помнила, как он смотрел на неё перед боем. С надеждой и верой. А теперь его глаза были пустыми. И в этом было что-то, что заставило её сердце сжаться до предела.

Мира закрыла глаза и глубоко вдохнула. Она потянулась к ним. Не магией, не силой, а собой, своим теплом, своей жизнью, своей любовью. Она чувствовала их всех. Каждую нить, которая ещё держалась. Каждую жизнь, которая угасала. Каждую боль, которая пропитала эту землю. Она опустилась на колени прямо в воду и коснулась земли ладонью. И в этом прикосновении было что-то, от чего её затопило чужое горе, тёмное и липкое, как смола.

Вельмир опустился рядом, и его лицо было каменным, но глаза живыми. В этом взгляде было что-то, от чего её сердце наполнилось состраданием. Он смотрел на неё молча, а потом заговорил, и в его голосе была тяжесть, которую он не прятал. «Что делать?» — спросил он, и голос его дрогнул.

Мира смотрела на воду, на звёзды, на землю, на всё. И в этом взгляде было что-то, от чего её сердце наполнялось печалью. «Принять, — сказала она. — Не бороться. Не убегать. Принять. И отпустить».

Она закрыла глаза и глубоко вдохнула. Потянулась к ним, к тем, кто ушёл. Не магией, не силой, а собой, своим теплом, своей жизнью, своей любовью. Она чувствовала их всех. Каждую нить, которая оборвалась. Каждую жизнь, которая угасла. Каждую душу, которая ушла. Она дышала с ними, медленно и ровно. Вдох вода. Выдох огонь. И в этом дыхании было что-то, от чего её сердце наполнялось спокойствием.

Вельмир опустился рядом, на колени, в воду. Он не боялся, не мог. И дышал с ней, медленно и ровно. Вдох вода. Выдох огонь. И в этом дыхании было что-то, от чего её сердце наполнялось спокойствием. Он чувствовал её нити, тонкие и золотые. Они шли от неё к нему, от него к ней. И в этих нитях была жизнь, была сила, была надежда.

Души начали отступать. Медленно и неохотно, но отступать. Как будто они поняли. Как будто они приняли. Как будто они отпустили. Земля дрогнула, и по поверхности пошли круги. Ровные, как дыхание, как пульс, как жизнь. И в этих кругах появились тени. Не страшные, не тёмные, просто образы. Люди, дома, деревья, птицы. Всё, что было. Всё, что живёт. Всё, что будет. «Получилось, — прошептала Мира, и голос её дрогнул. — Получилось, — сказал Вельмир, и в его голосе была теплота, которую он не прятал».

Мира встала и посмотрела на него, прямо и тепло. И в этом взгляде было что-то, от чего его глаза засветились нежностью. «Ты чувствуешь?» — спросила она, и голос её был тихим, почти шёпотом. «Чувствую, — сказал Вельмир. — Легче. Свободнее. Живее». «Это они, — сказала Мира. — Они ушли. Не все. Но ушли. Потому что мы приняли. Потому что мы отпустили. Потому что мы вместе». Вельмир смотрел на неё молча и долго. И в его глазах было что-то, от чего её сердце наполнялось спокойствием. «Тогда идём, — сказал он. — Домой». «Идём», — сказала Мира.

Они пошли в дом, тёплый и сухой. И в этом доме было что-то, от чего её тело расслабилось, а мысли успокоились. Вельмир обнял её крепко и нежно. И она прижалась к нему, чувствуя его тепло, его силу, его жизнь. И в этом объятии было что-то, от чего её дыхание стало ровным и глубоким. «Ты знаешь, что я люблю тебя», — прошептал он в темноту. «Знаю, — прошептала Мира. — Я тоже». Он поцеловал её нежно и долго. И в этом поцелуе было что-то, от чего её сердце затопило тепло. «Спи, — сказал он. — Я посторожу».

Мира закрыла глаза. Оберег на груди был тёплым и ровным. Вельмир рядом. Всегда рядом. И в этом присутствии было что-то, от чего её губы тронула печальная улыбка. А над деревней занимался рассвет. Не пепельный, а новый. Сотканный из голубого и золотого света. Который ложился на воду и мостки. Как обещание, как надежда, как сама жизнь.

После битвы Мира ощущает уход трёх жизней: старика,

женщины и молодого воина. Она отпускает их души, и земля отвечает тенями. Вельмир поддерживает её. Они принимают потерю как часть жизни. Мост держится, но трещины остаются.

Исцеление

«Мост не только соединяет берега — он залечивает трещины на них.»

Утро после битвы началось с тишины, но не мёртвой и не пустой. Это была тишина после долгой бури, когда мир замирает на минуту, чтобы выдохнуть и понять, что он жив. Мира проснулась первой, как всегда, и первое, что она почувствовала, было не тепло мха под спиной. В груди было тяжело, как будто кто-то положил туда мокрый камень. Что-то давило на неё, что-то, что она не могла назвать, но что уже жило в ней, росло и крепло.

Вельмир спал рядом, и его рука покоилась на её животе, тяжёлая и тёплая. В этом прикосновении было столько спокойствия, что Мира не сразу решилась пошевелиться. Она смотрела на его лицо, на резкие скулы, на шрам, который тянулся от виска к подбородку белой нитью памяти. На губы, которые во сне чуть улыбались, и в этом взгляде было что-то, от чего её грудь наполнялась нежностью, тёплой и щемящей.

Она осторожно убрала его руку и встала, стараясь не скрипнуть половицами. Вышла на мостки, и утренний туман окутал её со всех сторон. Густой, влажный, прохладный, но не враждебный, а ласковый, как объятие матери. Болото ды-

шало вокруг неё, медленно и ровно, и в этом дыхании было что-то, от чего её плечи расслабились, а дыхание стало глубже.

Раненые лежали на мостках, на берегу, у дерева. Их было много, слишком много, и в этом зрелище было что-то, от чего её сердце наполнилось состраданием. Мира шла между ними медленно и осторожно. Она касалась каждого ладонью, нежно, и в этом прикосновении было что-то, от чего их боль становилась тише. Их дыхание становилось ровнее, их жизнь становилась сильнее. Она не говорила слов, потому что слова были лишними. Она просто была рядом.

Яромир был рядом и перевязывал раны себе и другим. Его руки были в крови, но лицо оставалось спокойным, как у человека, который делает то, что делал всегда. Злата пела низко и протяжно, и в её песне была сила, была жизнь, была надежда. Она обходила раненых с настоями из зверобоя и крапивы, и её движения были уверенными, как у ведуньи, которая знает цену каждой травинке. Радомир помогал молча. Он не говорил, не спрашивал, не сомневался. Он просто делал, и в этом делании было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью.

Верховная стояла у воды и смотрела на горизонт. В её взгляде было что-то, что говорило о том, что она видит то, чего не видят другие. Мать сидела у костра и смотрела на сына. Молча. И в этом молчании было что-то, от чего сердце Миры наполнялось состраданием.

Мира остановилась перед молодым воином. Он лежал на мостках, и его лицо было бледным, как первый снег. Его дыхание было слабым, как ветер перед рассветом. Его жизнь угасала, медленно и неохотно, как свеча на ветру. Она опустилась рядом, на колени, и взяла его за руку. Крепко и сильно. И в этом прикосновении было что-то, от чего его пальцы дрогнули. Его веки затрепетали, его сердце забилось быстрее.

«Дыши, — сказала Мира, и голос её был тёплым и живым. — Со мной. Вдох вода. Выдох огонь». Воин закрыл глаза и задышал. Медленно и ровно. Вдох вода. Выдох огонь. И в этом дыхании было что-то, от чего его лицо стало мягче. Его глаза засветились чем-то, что было похоже на надежду. Серая корка на его руках треснула, медленно и неохотно, как будто сомневалась, как будто отпускала. И кожа под ней была розовой, тёплой, живой. «Получилось, — прошептал он, и голос его дрогнул. — Впервые. За долго».

Мира улыbnулась, и слёзы, горячие и тихие, потекли по её щекам. Она не вытирала их, не могла, не хотела. «Получилось, — сказала она. — Дыши. Дальше. Сам». Вельмир подошёл и встал рядом, и в этом стоянии было что-то, от чего Мира почувствовала себя не просто живой, а нужной. Он смотрел на неё молча, а потом заговорил, и в его голосе была теплота, которую он не прятал. «Ты можешь, — сказал он. — Я знаю. Ты всегда можешь». Мира посмотрела на него, и в её груди росло что-то, от чего её сердце наполнялось тихой

радостью. «Мы можем, — сказала она. — Все. Вместе».

Они ходили от раненого к раненому, от жизни к жизни, от боли к боли. Мира учила Вельмира, как чувствовать нити, как тянуть их, как возвращать людей из тьмы. Сначала у него не получалось. Нити рвались, люди не выздоравливали. И в его глазах было что-то, от чего сердце Миры наполнялось состраданием. «Не получается», — сказал он, и голос его дрогнул. «Получится, — сказала Мира, и голос её был твёрдым. — Ты просто не веришь». «Во что?» — спросил Вельмир, и голос его был тихим, почти шёпотом. «В себя, — сказала Мира. — В то, что ты мост».

Она взяла его за руку, крепко и сильно. И в этом прикосновении было что-то, от чего сердце Вельмира наполнилось спокойствием. Она подвела его к старику, сгорбленному и седому, который лежал у дерева. Его лицо было серым, как пепел, и его дыхание было едва слышным. «Попробуй, — сказала Мира, и голос её был тихим, почти шёпотом. — С ним. Один». Вельмир посмотрел на неё, потом на старика. И в его глазах было что-то, от чего сердце Миры наполнилось тихой радостью.

Он опустился на колени перед стариком и взял его руку. И в этом прикосновении было что-то, от чего сердце Миры наполнилось спокойствием. «Дыши, — сказал Вельмир, и голос его был тихим, почти шёпотом. — Со мной. Вдох вода. Выдох огонь. Вдох вода. Выдох огонь». Старик не двигался, но Вельмир не отступал. Он дышал медленно и ровно. И в

этом дыхании было что-то, от чего сердце Миры наполнилось тихой радостью. Он чувствовал нити, тонкие и серые, едва живые. Они шли от него к старику. И в этих нитях была жизнь, была сила, была надежда.

Он потянул, не резко, а мягко. Как будто будил спящего. Как будто возвращал к жизни утонувшего. И старик вздрогнул, едва-едва, почти незаметно. Но Вельмир почувствовал это. И в его груди росло что-то, что было похоже на радость. Старик открыл глаза, медленно и тяжело. И в этих глазах было что-то, от чего сердце Вельмира наполнилось тихой радостью. «Получилось, — прошептал старик, и голос его дрогнул. — Впервые. За долго».

Вельмир смотрел на него молча. А потом улыбнулся, по-настоящему, открыто, как мальчишка. И в этой улыбке было что-то, от чего сердце Миры наполнилось тихой радостью. «Получилось, — сказал Вельмир, и голос его был твёрдым. — Дыши. Дальше. Сам». Мира смотрела на них, и в её груди росло что-то, что было похоже на гордость и любовь. Она подошла и встала рядом. И в этом стоянии было что-то, от чего сердце Вельмира наполнилось спокойствием. «Ты мост, — сказала Мира, и голос её был твёрдым. — Я знала». Вельмир смотрел на неё, и в его тёмных глазах были звёзды. «Я мост», — повторил он, и голос его был твёрдым.

К вечеру они исцелили всех, кто мог, всех, кто хотел, всех, кто ждал. Люди выходили из домов медленно и тяжело, но живые. И в этой жизни было что-то, от чего сердце Миры

наполнялось тихой радостью. Они смотрели на неё, на Вельмира, на дерево, на мир. И в этих взглядах было что-то, от чего сердце Миры наполнялось теплом.

Вечером они сидели у костра. Мира, Вельмир, Яромир, Злата, Радомир, Верховная, Мать, старейшина. Мальчик спал на коленях Миры. Ярополк и старик сидели рядом. И в этом единстве было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. Огонь трещал, звёзды горели, деревня спала, будущая. «Что дальше?» — спросил Яромир, и голос его был тихим, почти шёпотом. «Жизнь, — сказала Мира, и голос её был твёрдым. — Долгая. Трудная. Мы будем учить. Строить. Соединять. Везде. Не только здесь. Везде».

«Это долго», — сказала Злата, и в её голосе была усталость, которую она не прятала. «Да, — сказала Мира. — Но мы вместе. Значит справимся». Вельмир сжал её руку сильнее и теплее. И в этом жесте было что-то, от чего сердце Миры наполнялось тихой радостью. «Вместе, — сказал он, и голос его был твёрдым. — Вместе, — повторили все хором. И в этом слове было что-то, от чего сердце Миры наполнялось тихой радостью».

Она сидела у дерева, одна, и оберег на груди был тёплым и ровным. Она смотрела на дерево, на его листья, на его цветы, на его плоды, на его жизнь. И чувствовала, как оно дышит, как оно растёт, как оно живёт. С ней, со всеми, со всем. «Ты сделала это, — прошептал голос в её голове, тот самый, женский и древний. — Ещё один мост. Ещё одно чудо. Ещё

одна жизнь. Ещё одно исцеление». Голос стих, вода вспыхнула, золото, тёплое, и погасло. И Мира вернулась к костру, и Вельмир стоял рядом, всегда рядом. И в этом присутствии было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью.

«Идём?» — спросил он, и голос его был тихим, почти шёпотом. «Идём», — сказала Мира, и голос её был твёрдым. Они пошли в дом, тёплый и сухой. И в этом доме было что-то, от чего её тело расслабилось, а мысли успокоились. Вельмир обнял её крепко и нежно. И она прижалась к нему, чувствуя его тепло, его силу, его жизнь. И в этом объятии было что-то, от чего её дыхание стало ровным и глубоким. «Ты знаешь, что я люблю тебя», — прошептал он в темноту. «Знаю, — прошептала Мира. — Я тоже». Он поцеловал её нежно и долго. И в этом поцелуе было что-то, от чего её сердце затопило тепло. «Спи, — сказал он. — Я посторожу».

Мира закрыла глаза. Оберег на груди был тёплым и ровным. Вельмир рядом. Всегда рядом. И в этом присутствии было что-то, от чего её губы тронула счастливая улыбка. А над деревней занимался рассвет. Не пепельный, а новый. Сотканный из голубого и золотого света. Который ложился на воду и мостки. Как обещание, как надежда, как сама жизнь.

После битвы Мира и Вельмир проводят день, исцеляя раненых. Вельмир впервые исцеляет сам — и это меняет его. К вечеру все, кто мог, возвращаются к жизни. Мира понимает: мост — это не только путь, но и лечение. Мост растёт, и его сила — в умении отдавать.

Стратегия

«Мост не ждёт бури — он собирает тех, кто укроется под ним.»

Ночь опустилась на Костный Брод медленно и тяжело, как будто само небо не хотело отпускать день. Мира сидела у костра и глядела на пламя, и в этом пламени отражались её мысли. Тёмные и тревожные, как тучи перед бурей. Оберег на груди пульсировал ровно и тепло, но в этом пульсе было что-то, от чего её дыхание становилось глубже. Вельмир сидел рядом, близко, так, что их плечи соприкасались. В этом прикосновении было столько спокойствия, что она не сразу решилась заговорить.

Он молчал и смотрел на огонь, и в его тёмных глазах были звёзды. В этих звёздах было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. Яромир подошёл первым и сел напротив. В его глазах было что-то, что говорило о том, что он думает о важном. Злата пришла следом и села рядом с ним, и в её янтарных глазах было что-то, что говорило о том, что она видит то, чего не видят другие. Радомир подошёл и сел в тени, смотрел на брата молча, и в этом молчании было что-то, от чего сердце Миры наполнялось состраданием.

Верховная подошла и встала рядом, и в этом стоянии было что-то, что заставило Миру почувствовать себя не просто живой, а нужной. Мать подошла и села у костра, смотрела на сына молча, и в этом молчании было что-то, от чего сердце Миры наполнялось состраданием. Пепельный лорд подошёл

и сел рядом, и в его глазах было что-то, от чего сердце Миры наполнялось тихой радостью. Ярополк подошёл и сел рядом, и в его глазах было что-то, что говорило о том, что он готов на всё.

«Пепельный лорд ушёл, — сказала Мира, и голос её был тихим, но твёрдым. — Но он вернётся. Он не остановится. Он не успокоится. Пока не получит то, что хочет». «Что он хочет?» — спросил Яромир, и голос его был тихим, почти шёпотом. Мира смотрела на огонь, на пламя, которое трещало и изгибалось, как живое существо. И в этом взгляде было что-то, от чего её сердце наполнялось холодной решимостью. «Войны, — сказала она. — Смерти. Тьмы. Он хочет разрушить всё, что мы построили. Он хочет убить всех, кого мы любим. Он хочет вернуть старый мир. Мир без мостов. Мир без надежды. Мир без жизни».

Тишина повисла в воздухе, густая и тяжёлая, но не враждебная, а ждущая. «Что делать?» — спросила Злата, и голос её дрогнул. Мира смотрела на неё, потом на всех, и в этом взгляде было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. «Соединить, — сказала она. — Не бороться. Не убегать. Соединить. Даже его. Даже тьму. Даже страх. Всё».

Вельмир подошёл и встал рядом, и в этом стоянии было что-то, от чего Мира почувствовала себя не просто живой, а нужной. Он смотрел на неё молча, а потом заговорил, и в его голосе была теплота, которую он не прятал. «Я буду защищать, — сказал он. — И её. И Зарю. И всех. До конца».

Мира посмотрела на него, и в её груди росло что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. «Мы вместе, — сказала она. — Всегда. Как мост. Как жизнь. Как всё».

Яромир подошёл и встал рядом, и в его глазах было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. «Я с вами, — сказал он. — До конца. Как мост. Как все». Злата подошла и встала рядом, и в этом стоянии было что-то, от чего Мира почувствовала себя не просто живой, а нужной. «И я, — сказала она. — До конца. Как мост. Как все». Радомир подошёл и посмотрел на брата, и в его глазах было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. «И я, — сказал он. — До конца. Как мост. Как все».

Верховная подошла и встала рядом, и в этом стоянии было что-то, от чего Мира почувствовала себя не просто живой, а нужной. «И я, — сказала она. — До конца. Как мост. Как все». Мать подошла медленно, она не пряталась больше и не боялась. Она просто шла к сыну, к Мире, к дереву, к жизни. «И я, — сказала она. — До конца. Как мост. Как все». Пепельный лорд подошёл и встал рядом, и в его глазах было что-то, от чего сердце Миры наполнялось тихой радостью. «И я, — сказал он. — До конца. Как мост. Как все». Ярополк подошёл и встал рядом, и в его глазах было что-то, от чего сердце Миры наполнялось тихой радостью. «И я, — сказал он. — До конца. Как мост. Как все».

Мальчик подбежал и обнял за ногу, крепко и сильно, и в этом объятии было что-то, от чего её сердце наполнялось

тихой радостью. «И я, — сказал он. — До конца. Как мост. Как все». Мира смотрела на них, на всех, на своих. И слёзы, горячие и тихие, потекли по её щекам. Она не вытирала их, не могла, не хотела. «Тогда идём, — сказала она, и голос её дрогнул. — Все. Вместе. Как мост».

Вечером они сидели у костра, Мира, Вельмир, Яромир, Злата, Радомир, Верховная, Мать, старейшина, мальчик спал на коленях Миры, Пепельный лорд, Ярополк. Все рядом, и в этом единстве было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. Огонь трещал, звёзды горели, деревня спала, будущая. Мира сидела у дерева, одна, и оберег на груди был тёплым и ровным. Она смотрела на дерево, на его листья, на его цветы, на его плоды, на его жизнь. И чувствовала, как оно дышит, как оно растёт, как оно живёт. С ней, со всеми, со всем.

«Ты сделала это, — прошептал голос в её голове, тот самый, женский и древний. — Ещё один мост. Ещё одно чудо. Ещё одна жизнь. Ещё один совет». Голос стих, вода вспыхнула, золото, тёплое, и погасло. И Мира вернулась к костру, и Вельмир стоял рядом, всегда рядом. И в этом присутствии было что-то, от чего её сердце наполнялось тихой радостью. «Идём?» — спросил он, и голос его был тихим, почти шёпотом. «Идём», — сказала Мира, и голос её был твёрдым.

Они пошли в дом, тёплый и сухой. И в этом доме было что-то, от чего её тело расслабилось, а мысли успокоились. Вельмир обнял её крепко и нежно. И она прижалась к нему,

чувствуя его тепло, его силу, его жизнь. И в этом объятии было что-то, от чего её дыхание стало ровным и глубоким. «Ты знаешь, что я люблю тебя», — прошептал он в темноту. «Знаю, — прошептала Мира. — Я тоже». Он поцеловал её нежно и долго. И в этом поцелуе было что-то, от чего её сердце затопило тепло. «Спи, — сказал он. — Я посторожу».

Мира закрыла глаза. Оберег на груди был тёплым и ровным. Вельмир рядом. Всегда рядом. И в этом присутствии было что-то, от чего её губы тронула счастливая улыбка. А над деревней занимался рассвет. Не пепельный, а новый. Сотканный из голубого и золотого света. Который ложился на воду и мостки. Как обещание, как надежда, как сама жизнь.

Мира собирает совет, чтобы решить, как встретить возвращение Пепельного лорда. Она говорит, что нужно соединять, а не бороться. Все поддерживают её. Но далеко на востоке уже идёт войско, и новый враг знает о мо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.